

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНОЙ
Роман

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МАРИЯ МЕНДЕС

БЫВШАЯ ЖЕНА

И

ВОЗЬМУ ТЕБЯ СНОВА!

18+

Мария Мендес

**Бывшая жена. Я
возьму тебя снова!**

«Автор»

2026

Мендес М.

Бывшая жена. Я возьму тебя снова! / М. Мендес — «Автор»,
2026

Рада выжила после того, как её мир рухнул. Выданная замуж по принуждению в восемнадцать лет, она любила мужа вопреки его ледяному безразличию и изменам в первую же брачную ночь. Теперь она — взрослая, уверенная в себе женщина, которая больше не позволит себя обидеть. Ратмир Айдаров всегда считал Раду «временным решением проблем». Но увидев её спустя три года — дерзкую, сияющую и... чужую, он понимает: его гордость задета, а внутри просыпается забытый огонь. Он готов признать свои ошибки или просто хочет снова подчинить её своей власти? Когда прошлое врывается в настоящее, старые обиды сталкиваются с безумным притяжением, сопротивляться которому невозможно.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	8
Глава 3.	11
Глава 4.	15
Глава 5.	17
Глава 6.	20
Глава 7.	22
Глава 8.	25
Глава 9.	28
Глава 10.	31
Глава 11.	35
Глава 12.	37
Глава 13.	40
Глава 14.	42
Глава 15.	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Мария Мендес

Бывшая жена. Я возьму тебя снова!

Глава 1.

Я не знала, что эта ночь всё изменит. Не знала, что встречу того, кого три года пыталась забыть и вычеркнуть из своего сердца. Если бы знала... может быть, осталась бы дома. А может быть, всё равно пошла. Ведь рано или поздно это должно было случиться...

— Я стесняюсь.

— Чего это тебе стесняться? Ты расцвела за последний год, грех прятать от людей такие формы, особенно от мужского пола.

— Лейсан, не говори так. Ты же знаешь, мне этого не надо.

Подруга закатывает глаза и подталкивает меня ко входу в закрытый клуб, куда могут прийти только люди из высшего общества. Мы с Лейсан к ним, конечно, относимся, но обычно только подруга заинтересована в посещении таких заведений. А я спустя три года после скандального развода наконец решила выйти в свет.

Сердце, конечно, подлечила, но шрамы остались. Теперь пора вновь вливаться в поток жизни. Я и моя семья уже не так на слуху, можно выдыхать и медленно вылезать из дома.

— Ты ещё скромно оделась для такого рода вечеринки. Но уже сняла свои балахоны, и за это спасибо.

— Ты знаешь, почему я их носила.

Я, конечно, не одевалась в дорогие вещи в стиле топ-моделей, чего от меня все всегда ждали, но и сказать про меня, что я совсем не прихорашивалась, тоже не получится. Балахоны я стала носить только когда отец огорошил меня тем, что выдаёт замуж за мужчину старше меня на целых десять лет. Я протестовала как могла, старалась оттолкнуть внешним видом будущего жениха. Но это мне не помогло, потому что наш брак с Ратмиром был очень важен для двух семей — отцы решили объединить бизнесы и укрепить партнёрство через нашу свадьбу. И соответственно, моему жениху было плевать, в чём я хожу.

Ну а дальше... Дальше лучше не вспоминать...

— Ладно, забей. Пошли уже быстрее, девочки уже ждут.

Войдя в клуб, я некоторое время не могла расслабиться. Моё появление после скандального развода явно не осталось незамеченным. Чувствовала заинтересованные взгляды, все наверняка гадали, зачем я решила показаться на людях. Но это продолжалось, слава богу, недолго. Девочки после первых коктейлей переключились на мужчин, и я немного выдохнула.

Хотя расслабиться полностью всё равно не получалось. Держаться уверенной и сильной отнимало много сил. А мне просто хотелось отдохнуть и расслабиться. Впервые за три года почувствовать себя обычной девушкой, а не осколком разбитой мечты с тяжёлым багажом прошлого, который давил на плечи и не давал дышать полной грудью.

Зато внешне я изменилась к лучшему. Платье, которое выбрала Лейсан, сидело на мне идеально. Белое, обтягивающее, подчёркивающее все изгибы, которые появились за эти годы. Раньше я была тощей и угловатой, а сейчас наконец обрела женственные формы. Больше не та испуганная восемнадцатилетняя девочка, которую выдали замуж, а повзрослевшая девушка, которая научилась ценить себя.

— Рада!

Лейсан неслась ко мне, словно несёт информацию, от которой зависит моя жизнь. Широко распахнутые глаза и губы в форме "О", которые она и не думала из вежливости хотя бы растянуть в улыбку, говорили об этом громче любых слов.

— Ты не поверишь, но я только что встретила Динияра! Прости, я выболтала, что я тут с тобой, и он сказал, что подойдёт к нам.

— Чёрт!

В груди тут же тревожно забилося сердце. Я была в хороших отношениях с бывшим деверем, но после всего, что было между нашими семьями, и громкого скандала на весь город мне не очень хотелось видеть хоть кого-то из прошлой жизни.

— Ты знаешь, он стал ещё более сексуальным, девчонки к нему все липнут. Я бы тоже не отлипла, если бы не проболталась о тебе. Пришла, так сказать, с повинной, прежде чем ты узнаешь от него самого, что это я не смогла держать язык за зубами.

Не успеваю ещё что-то ответить, когда в поле моего зрения попадает Дин. Он широко улыбается, и я вынуждена собраться снова. Включаю сильную девочку и растягиваю губы в улыбке. Ненавижу надевать эту маску, но только она спасает меня все эти годы.

— Милашка, вот это приятный сюрприз!

— И тебе привет, Динияр!

Он чмокает меня в щёки по очереди, я отвечаю, но не касаюсь его в ответ. Ратмиру это не нравилось, и эта дурацкая привычка держать дистанцию, несмотря на то что больше не жена ему, сохранилась.

— Как дела, как жизнь?! Ты когда успела вот так расцвести и... осмелеть?

Да-да, все помнят меня зашуганной и тощей девочкой. Помню, как Марат и Динияр даже дразнили брата на нашей свадьбе: мол, смотри, не сломай ей там ничего, она у тебя совсем хрустальная. Намекали на мои торчащие кости, невысокий рост и девчачью фигуру. Они не знали, что я это слышала, но тем не менее мне стало ещё больше обидно за себя.

А про "осмелеть" он, наверное, имеет в виду моё платье и сам факт, что я в клубе. Ведь раньше, даже если бы захотела, меня никто не пустил бы. Сначала отец, потом муж, и теперь снова отец. Только вот сейчас мне всё равно, что отец подумает или как долго и громко будет ругаться, когда узнает, что я тут была.

— Свобода творит чудеса, Дин, — отвечаю с жирным намёком, и он его моментально улавливает.

Прищуривается, а после, улыбнувшись, притягивает меня ближе к себе и, перебивая усилившиеся басы, наклоняется:

— Свобода тебе к лицу, милашка.

Искренне улыбаюсь ему в ответ и принимаю комплимент. Он ещё что-то говорит, но из-за музыки теперь я его почти не слышу. А потом он всё-таки перекрикивает шум и говорит:

— Может, выйдем? Тут неудобно разговаривать.

Я соглашаюсь. Кивнув, иду вперёд и тут же чувствую, как Дин накрывает мои плечи своим пиджаком. Галантно, ничего не скажешь. Хотя и странно немного. Раньше он всегда держал дистанцию, был подчёркнуто вежлив, но отстранён. А сейчас...

— Ратмир! Какой сюрприз!

Слышу, как Дин произносит это имя, и меня в тот же момент словно ледяной водой с головы до пят окатывает. Мир вокруг замирает. Сердце пропускает удар, а потом начинает бешено колотиться о рёбра. Воздух застревает в горле, и я не могу вдохнуть.

Не может быть. Не здесь. Не сейчас. Не тогда, когда я только-только начала собирать себя по кусочкам.

Медленно, очень медленно оборачиваюсь. И мой взгляд встречается с глазами человека, который когда-то был моим целым миром, а потом разбил меня вдребезги.

Ратмир Айдаров. Мой бессердечный бывший муж и моя всё ещё кровоточащая рана в груди, которая так и не зажила за эти три долгих года.

Он стоит передо мной — такой же красивый, такой же недостижимый, такой же разрушительный для моего хрупкого равновесия. И смотрит на меня так, будто имеет на это право. Будто не он выбросил меня из своей жизни, как надоевшую игрушку...

Глава 2.

— Ратмир, глянь туда.

Оборачиваюсь в сторону, куда кивнул Булат, и просто, блять, охреневаю. Моя бывшая жена, робкая, стеснительная и до косточки домашняя девочка, стоит в шикарном обтягивающем платье белого цвета и крутит бёдрами так, что ниже пояса всё мгновенно реагирует.

Три года назад она носила только мешковатые свитера и джинсы на два размера больше. А сейчас... Сейчас каждый изгиб её тела словно кричит: "Смотри, что ты потерял!"

— Опа-опа, это рядом не твой братишка лапы свои тянет к твоей бывшей?

Сжимаю зубы до скрежета. Похер должно быть. Но нет. Не похер. Почему, сука, так?!

Динияр стоит слишком близко к ней, его рука лежит на её талии, а она... она улыбается ему. Не той дежурной улыбкой, которую дарила мне во время нашего брака, а настоящей. Искренней.

— Не подойдёшь? — продолжает долбить мне мозги Булат.

— Тебе больше нечем заняться? Не пялся туда и мне на мозги не капай.

Друг усмехается и, хитро прищулив глаза, разливает по новой напиток по бокалам. Не отводит взгляда, сверлит медленно и методично. Хочет вывести меня. Всегда так делает, и это, сука, каждый раз срабатывает.

— Чего ты, блять, прицепился?! — срываюсь я наконец.

— Ну не любишь ты её, окей. Хотя не понимаю, как так получилось. Она же, — кивает на Раду, — просто огонь. Редкость. Все это знают, понимают, и завидовали тебе, пока она была твоей. Но... к ней сейчас не левый чувак подкатывает, а брат твой родной.

— Сводный.

— Невелика разница.

— Не тяни.

— А тянуть и нечего. Если ты не вмешаешься, сегодня ночью он увезёт её отсюда. А продолжение этой ночи сам знаешь какое будет. Твой братишка точно не упустит такой шанс, затащит в постель и отработает как следует. Помню, он слюни пускал на твою, когда вы ещё женаты были. Хотя... кто только не пускал на неё слюни тогда.

— Неинтересно, — отрубая, а у самого внутри всё сверлит. Злость на эту маленькую сучку растёт с каждой секундой. Раньше сидела тише воды, ниже травы, а теперь крутит задом перед всеми. Но, блять, не хочу, чтобы Динияр лапал то, что когда-то было моим.

— Динияр это делает только, чтобы позлить меня. Но он просчитался. Рада была для меня всего лишь... временным решением проблемы.

— Ну окей, тогда вопрос снят, — отвечает с ухмылкой Булат.

Я больше ничего не отвечаю на эту тему. Он переключается на работу, на конкурентов, а потом резко замолкает. Отправляет в рот закуску и, медленно жуя, пристально смотрит в сторону, где стояла моя бывшая.

Я же никак не реагирую, держу лицо. Ровно до того момента, пока он не говорит:

— Ну всё, уводит Дин твою. Нужно было с тобой поспорить на пару акций компании.

Медленно поворачиваю корпус и вижу, как Динияр накидывает свой пиджак на плечи Рады и галантно расчищает ей дорогу к выходу. Подружки её следом не идут. Понимаю почему, не дурак.

Булат ещё издевательски начинает отсчёт:

— Пять... четыре... три... два...

И, сука, на цифре "один" я всё же срываюсь.

Друг ржёт в голос за спиной, а мне вот совсем не смешно. Динияр, этот сукин сын, сегодня смог меня вывести и за это он пожалеет. А вот девчонка... раз ей так не терпится поку-

выркаться сегодня, получит своё сполна. Только не с ним. Сучка могла выбрать кого угодно для своих развлечений, но нет — выбрала моего сводного братца. Это уже личное оскорбление. За это она тоже ответит. Вытряхну из неё всё, что накопилось в её красивой головке за эти три года.

Догоняю их у выхода. Рада идёт впереди, Динияр чуть сзади, явно наслаждается видом. Когда моя рука ложится ему на плечо, он оборачивается с довольной ухмылкой.

— Ратмир! Какой сюрприз, — в его голосе слышится плохо скрытая издевка. — Не ожидал тебя здесь увидеть, хотя должен был догадаться. Ты ведь всегда появляешься не вовремя.

— Взаимно, — цежу сквозь зубы. — Особенно в таком... интересном обществе.

Рада замирает. Медленно оборачивается. И я вижу, как её лицо бледнеет, а в глазах вспыхивает что-то похожее на панику. Или злость. А может, и то, и другое.

— Ратмир, — выдыхает она, и её голос звучит совсем не так, как три года назад. В нём появились нотки, которых раньше не было. Уверенность. Сила.

— Радочка, — отвечаю с той самой интонацией, которая когда-то заставляла её краснеть. — Давно не виделись.

Динияр делает шаг ближе к ней, явно показывая свои права, и у меня в висках начинает стучать.

— Мы как раз собирались уходить, — говорит он, не сводя с меня взгляда.

— Не сомневаюсь. Но я думаю, Рада не против будет пообщаться со старым... другом.

Она смотрит на меня так, будто видит впервые. Изучает. И что-то в этом взгляде заставляет меня понять, что той тихони больше нет. Исчезла без следа. А на её месте появилась эта до неприличия красивая и сочная штучка.

Удивила.

Охренеть, как удивила!

— О чём нам говорить, Ратмир? — её голос спокоен, но я чувствую напряжение в каждом слове.

— Нам есть что обсудить, поверь, — не жду её ответа и, не глядя на братца, хватаю её под локоть и тащу к выходу.

Она пытается выдернуть руку, но хрена с два отпущу.

— Пусти! Ты что творишь?! — шипит.

Вот как, отрастила зубки за всё это время, я смотрю. Раньше не то что рот при мне открыть боялась, но и взгляда не поднимала. Вся такая правильная, скромная, робкая, а сейчас... Сейчас с моим, сука, сводным братом не прочь покувыркаться. Блять, горькое разочарование растекается в груди, оседает тяжёлым комом внизу и как кислота разъедает изнутри.

— Ратмир, ты случаем не попутал... — не успевает договорить Динияр.

Я разворачиваюсь и с размаху врезаю ему в челюсть. Тот сгибается, держится за, скорее всего, сломанный нос. И похер сейчас на то, что отец скажет. Я такого не прощаю.

— Ты знаешь, за что это. Не рекомендую и дальше меня провоцировать.

Поворачиваюсь к бывшей. Та в шоке двумя руками прикрывает губы и смотрит на меня как на чудовище. Как я и говорил ранее — похер. Сегодня на всё похер, завтра буду думать над тем, как разобраться с последствиями, а сегодня ночь длинная, а бывшая сама спровоцировала.

— Поздравляю, серая мышка, тебе удалось привлечь моё внимание. Правда, с ооочень большим опозданием, но как говорится — лучше поздно, чем никогда? — подмигиваю ей без капли улыбки на лице и, схватив за руку, тащу к своей тачке.

— Нет-нет-нет! Всё это в прошлом, я больше не люблю тебя! Не вздумай меня трогать!

— Папочке пожалуешься? — усмехаюсь.

— Если надо будет — пожалуюсь!

— Прости, крошка, за горькую правду, но ты потеряла для него ценность после того, как я развёлся с тобой.

— Да как ты... ТЫ!.. Ненавижу тебя!

— Не трать на это силы и энергию. У меня на тебя сегодня ночью свои планы.

Глава 3.

Три года назад

— Анатолий, как ты мог решиться на подобное?! Рада ещё маленькая, какое ещё замужество?!

Мама быстрыми шагами догоняет отца и с ужасом в глазах требует ответы на вопросы. Пытается вразумить его, но тот даже не оборачивается.

— Ей уже полгода как восемнадцать есть! — отрезает отец.

Они спорят ещё долго и громко обсуждают мою судьбу, пока я, не веря ушам, стою за приоткрытой дверью и продолжаю слушать своего палача.

— Оксана, чёрт тебя дери! Ты хоть понимаешь, что этот брак единственное, что может спасти наш бизнес! — голос отца срывается, и я вижу, как он нервно ходит по гостиной. — Я перепробовал всё, что можно и нельзя! Брал в долг у серьёзных людей, оформлял все возможные кредиты. Дом пришлось заложить, но и этого оказалось недостаточно. Я всё теряю, женщина! Понимаешь? ВСЁ!

Его голос становится всё громче, отчаяннее.

— Или Рада выйдет замуж за Айдарова, или мы все потонем. Ты готова жить на съёмной квартире после всех этих роскошей? Мы снова окажемся с низшим сортом общества! Твои подруги, родные и знакомые тотчас же отвернутся и забудут про тебя в тот же день, когда я объявлю банкротство. Но и это не спасёт нас от преследований! Если кредиты спишут, то долги серьёзные люди нам не простят. Ты понимаешь, что это значит? Нас будут искать. Нас найдут. И что тогда будет с Радой? С Кариной?

Мама хватается за сердце и, словно потеряв дар речи, смотрит на отца широко распахнутыми от шока глазами. Медленно оседает на диван, будто ноги больше не держат её.

Отец грубо выругался, помолчав какое-то время, налил воды в стакан и подал маме.

А я стояла за дверью и пыталась просто не упасть в обморок от услышанного. Но мир вокруг начал плыть, в ушах зазвенело, а ноги стали ватными. Я всё же не смогла удержаться. Всё вокруг потемнело, и я рухнула прямо на пол.

Проснувшись уже в своей комнате. Рядом сидела мама — зарёванная и дико перепуганная. Отец стоял у окна. Строгость с лица не сошла, но он тоже волновался, это было видно по напряжённым плечам. Пятнадцатилетняя Карина сидела на краю кровати и тихо всхлипывала, глядя на меня красными от слёз глазами.

— Ну всё, хватит! Развели тут мокроту. Оставьте меня с ней наедине.

— Нет, Толик, давай потом, она же сейчас такая уязвимая и слабая, — мама говорила дрожащим голосом, всё ещё держа мою руку.

— Она уже услышала и знает всё самое главное. Тянуть не имеет смысла, тем более что сегодня вечером Айдаровы придут на ужин на смотрины.

— Нет, Толик, так нельзя! Слишком рано. Дай ей хотя бы прийти в себя. Не ломай её вот так! Позволь... Позволь я сама поговорю с ней.

— Оксана! — грозно и предупреждающе посмотрел отец на мать, давая понять, что его терпение заканчивается.

Мама и Карина, оглядываясь, медленно дошли до двери. Когда они вышли, я поднялась на локти, а после потянулась к изголовью кровати. Согнув ноги и обхватив их руками, затравленно смотрела на отца и буквально умоляла взглядом не говорить того, что он задумал.

Внутри меня всё дрожало. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Во рту пересохло, а руки тряслись. Я всегда была послушной дочерью, никогда не

перечила отцу, боялась даже слово лишнее сказать. А сейчас... сейчас он хотел продать меня как товар.

— Папа, — прошептала я, и мой голос прозвучал жалко и сломленно. — Пожалуйста...

Отец медленно подошёл и присел на край кровати рядом со мной. В эту секунду с его лица словно сошла привычная маска непреклонности. Глаза стали мягче, даже появилось что-то похожее на сожаление.

— Несправедливо. Знаю, — тихо сказал он, глядя мне прямо в душу. — Не о такой жизни я для тебя мечтал, дочка. Хотел, чтобы ты училась, путешествовала, влюбилась по собственному желанию...

Голос его дрогнул, но через мгновение он отвёл взгляд и снова натянул привычную маску суровости. Встал и подошёл к окну, словно не мог больше смотреть на меня.

— Но выбора нет, — повторил он уже другим тоном. — Выбора ни у кого из нас больше нет. Ты выйдешь за Ратмира Айдарова. Он молодой, перспективный парень. С характером, конечно, сложновато — волевой очень, но в целом неплохой человек. Не обидит тебя, не бойся. Я с его отцом лично говорил об этом. Главное — будь послушной и не перечь ему. Мужчины этого не любят. А всё остальное наладится со временем. Кто знает, может быть, вы даже полюбите друг друга.

Я неотрывно смотрела ему в спину и, наверное, не слышала и половины из того, что он говорил. Не могла думать и вникать в его слова — у меня просто внутри всё билось в истерику. Каждая клеточка тела отрицала информацию про этого Айдарова и про замужество. А отец всё продолжал говорить и говорить, словно пытался убедить себя, а не меня.

— Ладно я, можешь ненавидеть меня всю жизнь. Заслужил. Но подумай о матери, о Карине. Если ты откажешься, то их некому будет защитить. Да, банкротство спишет банковские кредиты, но долги у серьёзных людей так просто не исчезнут. А от них защиты не будет никакой. А брак с Айдаровым решит все наши проблемы, и кто знает, возможно, в будущем ты сможешь его полюбить? Присмотришься к нему...

— Он... — мой тонкий и дрожащий голос заставляет отца прерваться.

Встречаясь с его взглядом, я сглатываю скопившийся в горле ком и задаю, наверное, самый важный вопрос:

— Ему зачем этот брак? Н-ну ты же говоришь, что денег у тебя нет, в чём его выгода? Я н-не понимаю ничего.

Слова даются с трудом, и я замечаю, как начинаю заикаться от волнения всё сильнее. Такого со мной раньше не было.

Отец устало выдыхает, ослабляет галстук и садится на стул рядом с моей кроватью.

— У меня остались пять процентов в одной компании, у Айдаровых в той же компании сорок шесть процентов. Если они получают мой пакет, то станут контролирующими акционерами. Смогут принимать все ключевые решения в совете директоров. Вот только мои акции сейчас в залоге у банка за кредиты. Айдаровы помогут их освободить от залога, если я соглашусь их им отдать.

— Ну так отдай ему эти акции, отец, а он тебе деньги. Зачем эта свадьба? — вдруг оживляюсь, словно нашла лазейку, выход из сложившейся ситуации.

— Ты ещё маленькая, Рада. Не понимаешь всей этой кухни. А ваш брак это гарантия для обеих семей. Гарантия того, что сделка не сорвётся и акции не уйдут к конкурентам.

— Значит, это ты настоял на свадьбе? — с обидой и разочарованием выдаю.

— Я и Айдаров старший. Для нас обоих это самый надёжный способ.

— Я совсем ничего не понимаю. Папа, ну пожалуйста, давайте вы договоритесь без этого брака. Просто обменяйтесь тем, что каждому из вас нужно!

Отец смотрит на меня долгим взглядом, и я вижу, как что-то болезненное промелькнуло в его глазах. Но через секунду он снова тяжело выдыхает, встаёт и направляется к двери.

— Приведи себя в порядок, вечером состоится знакомство. И Рада...

Он оборачивается перед самым выходом.

— Решение принято, и обсуждению оно не подлежит. Не противься, не усложняй ещё больше ситуацию. Подумай о матери и сестре, если вдруг захочешь бунтовать.

После разговора с отцом я провела остаток дня в своей комнате, пытаюсь взять себя в руки. Рыдала, злилась, снова рыдала, но к вечеру поняла одну простую вещь — выбора действительно нет. Если я откажусь, пострадают мама и Карина. А этого я допустить не могу.

Через силу заставила себя принять ситуацию. Не смириться — принять. Буду хорошей женой, послушной, как просил отец. Может быть, тогда хотя бы семья будет в безопасности.

Днём мама, Карина и я пытаемся выбрать, во что мне одеться на вечернее знакомство.

— А давай накрасим её так уродливо, чтобы он передумал! — шепчет Карина, роясь в маминой косметичке. — Или найдём самое страшное платье из всех!

— Карина, прекрати! — одёргивает её мама, но я вижу в её глазах, что ей тоже хочется найти способ избежать этого брака.

В итоге выбираем нейтральное платье, скромное, приличное, зелёного цвета с длинными рукавами. Но когда я его надеваю, то понимаю, что выгляжу в нём ещё более худощавой и младше своих лет. Платье висит на мне как на вешалке, подчёркивает торчащие ключицы и полное отсутствие женских форм.

Смотрю на себя в зеркало и думаю о том, что он увидит жалкую, тощую девчонку, а не девушку, готовую к семейной жизни. Наверное, это и к лучшему.

Вечером, как и было сказано, к нам домой приезжает этот Айдаров младший. Мама и Карина сразу же начинают выглядывать из кухни, пытаюсь его разглядеть. Я же даже пытаюсь не собираюсь.

Мужчины садятся в гостиную, начинают ужинать и, как рассказывает мама, долго разговаривают о делах, бизнесе, экономике, политике, обо всём, кроме предстоящей свадьбы. По её словам, ведут себя как деловые партнёры, обсуждающие обычную сделку.

— Боже мой! — шепчет мама, возвращаясь на кухню после очередной «разведки». — Рада, ты видела, какой он красивый?

— Не видела и не хочу видеть, — отвечаю, нервно помешивая чай.

— Такой мужественный, статный! — не унимается она. — И молодой ещё, всего на десять лет старше тебя. Это не так много на самом деле, дочка. Обычно когда такая разница, браки более крепкие получаются, — добавляет мама, игнорируя моё нервное состояние. — Они уже нагулялись и сосредотачиваются на семье.

— Слушай, а раз ты не хочешь, может, я за него выйду? — вдруг оживляется Карина. — Он же просто красавчик!

— Карина! — мама строго смотрит на младшую дочь. — Не говори глупости.

Видю, что мама явно под впечатлением от внешности будущего зятя и пытается найти плюсы в сложившейся ситуации. Я же упорно игнорирую их радостные восклицания. Мне всё равно, красив он или нет. От этого легче не становится.

Ужин затягивается почти на два часа. Я сижу на кухне с мамой и Кариной, слушаю приглушённые мужские голоса из гостиной и с каждой минутой чувствую себя всё хуже. Нервы на пределе, руки дрожат, во рту пересохло. От долгого ожидания меня периодически подташнивает, а в зеркале вижу бледное, измученное лицо. Никакая косметика уже не скроет моё состояние.

— Рада! — наконец зовёт отец. — Иди сюда.

Сердце колотится так, что, кажется, его слышно на весь дом. Я тут же смотрю на маму, ищу в её глазах поддержку и нахожу её. Она обнимает меня и нежно гладит по волосам.

— Всё будет хорошо, постарайся не нервничать, — шепчет она мне на ухо.

Мама провожает меня до входа в гостиную, а дальше я, задержав дыхание, вхожу на ватных ногах к ним и вижу его.

Господи... Мама была права. Он... он и правда красив. Высокий, широкоплечий, с правильными чертами лица и тёмными волосами. Дорогой костюм сидит на нём идеально. А в его глазах читается уверенность человека, привыкшего получать всё, что хочет. И это не может не пугать.

И тут меня накрывает волна стеснения. Рядом с ним я буду смотреться как младшая сестрёнка. Его, наверное, будут жалеть, когда он представит меня как жену. А может, даже засмеют за такой выбор.

Но через секунду стеснение сменяется злостью. Так ему и надо! Не надо было соглашаться на этот брак. Ладно я — у меня голоса в этом вопросе нет. А он вполне мог всему помешать, если бы захотел.

— Познакомьтесь, это моя дочь Рада, — произносит отец официальным тоном.

Ратмир встаёт, вежливо кивает и смотрит на меня совершенно отстранённо, как на товар, который оценивает. Никакой улыбки, никакого интереса, просто холодное деловое знакомство.

— Ратмир, — он протягивает руку и на мгновение сжимает мою, прежде чем тут же отпускает. — Приятно познакомиться.

— Рада, — отвечаю, стараясь держаться спокойно. — Взаимно.

И всё. Больше он ко мне не обращается, сразу же переключается на разговор с отцом, словно я снова стала невидимкой. Будто выполнил формальность и может теперь заняться более важными делами.

Стою рядом ещё несколько минут, но понимаю, что моё присутствие больше не требуется. Тихо ухожу на кухню к маме и Карине, а в гостиной продолжается мужской разговор о бизнесе.

Проходит всего несколько минут, дверь открывается, и в кухню заходит отец. Он выглядит усталым, но довольным..

— Мы всё обсудили с Айдаровым, — произносит он спокойным, уверенным голосом. Свадьбу назначили на конец месяца. Решили, что тянуть нет смысла.

У меня перехватывает дыхание, а мама и Карина переглядываются.

— Завтра ужин у Айдаровых, — продолжает отец, будто не замечая нашего состояния. Нас пригласили всей семьёй, чтобы мы смогли познакомиться поближе.

И в этот момент я понимаю, что всё началось.

Глава 4.

Еду домой и не могу выбросить из головы эту встречу. Худая, испуганная девчонка с огромными глазами. Всего восемнадцать, выглядит неопытной и наивной. Какая из неё жена может получиться?! Наверняка она ничего не умеет! Родилась с серебряной ложкой во рту и не знала никаких проблем, кроме выбора платья на вечеринку.

Не то что я. В девять лет потерял мать и попал в чужую семью, где сразу понял, что представляет из себя эта жизнь.

Мама... Столько лет прошло, а всё равно внутри всё кровоточит, стоит только о ней вспомнить.

Она у меня была красивой, нежной и заботливой. Но вместе с этим — слишком наивной. Повелась на обещания богатого мажора из большого города. Поверила, что он её любит и что женится на ней. А Тимур Айдаров просто использовал её и выбросил, как ненужную вещь.

Он тогда заявил матери, что ребёнок ему не нужен. Добавил, что с его помощью она не сможет привязать его к себе.

Но мама не послушалась. Родила меня, несмотря на то что знала, что от неё отвернутся все. В конце концов так и получилось. Наша религия слишком строга к женщинам допустившим подобную ошибку. Это клеймо на всю жизнь.

Бабушка в тайне от дедушки и родственников помогала нам. Правда не часто получалось, но тем не менее присылала деньги, когда могла. Это была единственная помощь, которую мы получали. Всё остальное мать выгрызала у жизни сама, работая как проклятая на двух работах, лишь бы нас прокормить. А по вечерам, уставшая и измождённая, она всё равно находила силы сесть рядом и рассказывать мне сказки про принцев и принцесс. Верила дурочка до последнего, что папа когда-нибудь за нами вернётся. Она говорила что я его первенец -наследник, он не может этого никак игнорировать. Рано или поздно он вернётся за мной.

Но он так и не вернулся, сука. Зато когда ей поставили диагноз, и стало ясно, что жить осталось недолго, вдруг объявился. Не из жалости, не из любви. Просто понял, что если я останусь сиротой, то рано или поздно всплыву в его жизни совсем не вовремя. Лучше уж взять под контроль.

Девять лет мне было, когда мама умерла. Девять, блять! Я ещё толком не понимал, что происходит, а меня уже забирали в чужой дом, к чужой тёте и двум братьям, которые смотрели на меня как на назойливое насекомое.

Алина Айдарова, жена отца, встретила меня в дверях с таким лицом, будто я принёс в дом чуму. И с первого же дня дала понять, что я здесь лишний и никто мне тут не рад. Марат и Динияр, её родные сыновья, могли делать что угодно. Им позволялось безнаказанно разбрасывать игрушки по всему дому, ломать мебель, портить вещи. Если что-то исчезало из шкафов или разбивалась ваза, виновным объявляли меня. Даже когда я был далеко и физически не мог этого сделать, всё равно пальцы указывали на меня. Постоянно я, всегда я.

— Это не твой сын, — шипела она отцу, когда думала, что я не слышу. — Это ублюдок той потаскухи! Зачем он нам нужен?

А отец молчал. Просто молчал и не вмешивался. Потому что ему было плевать на меня. Я был живым напоминанием о его грехах, неудобной помехой, которую нужно было терпеть.

Марат и Динияр росли принцами. Дорогие игрушки, лучшие школы, поездки за границу. Я существовал словно в золотой клетке, где всё блестело и сверкало, но для меня самого не находилось места во всём этом огромном доме и сердце отца. Единственной отдушиной стала повариха, пожилая женщина, которая относилась ко мне тепло и по-матерински. Она одна не отворачивалась, всегда находила доброе слово и маленький подарок на день рождения. Пусть

это были простые вещи вроде носков, тетрадки или дешёвой машинки из ларька, но я радовался им больше всего.

Помню, как в тринадцать лет попросил отца купить мне велосипед. Такой же, как у Марата. Он даже не поднял глаз от газеты.

— У тебя есть ноги. Ходи пешком.

А через неделю Динияр получил новый велосипед просто так, без повода.

Я понял тогда, что для него я навсегда останусь ошибкой молодости. Внебрачным ублюдком, которого приходится терпеть из чувства долга.

И сейчас, годы спустя, ничего не изменилось. Марата и Динияра он бережёт как зеницу ока. Им лучшие университеты, им руководящие посты в компании, им свобода выбора в личной жизни. А меня женит на первой подвернувшейся девчонке ради бизнеса.

— Это твой долг перед семьей, — говорит он.

Какой, блять, долг? Какой семьёй я ему стал? Расходным материалом стал, вот кем!

— Ратмир!

Голос отца выдёргивает меня из воспоминаний. Оказывается, я уже давно подъехал к резиденции и всё это время торчал в машине, сжимал руль и прокручивал в голове одно и то же. Нужна была перезагрузка, чтобы сбросить злость и собрать себя, прежде чем идти навстречу.

Однако старик опередил меня. Ждал сука у входа с самодовольной улыбкой на лице.

— Ну что ж, мы все оставшиеся вопросы с Морозовыми согласовали по телефону, поэтому готовься к свадьбе.

Сжимаю зубы так, что челюсти начинают болеть. Хочется встать и врезать ему так, чтобы эта довольная морда перекосилась. Но не могу. Во мне живёт всё тот же девятилетний мальчишка внутри, который не прекращает надеяться, что папочка его заметит.

— Понял, — цежу сквозь зубы.

— Приготовь кольцо. Необходимо сразу объявить о помолвке всем, чтобы никто другой не опередил нас.

— Хорошо, — отвечаю, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— И веди себя прилично хотя бы до того момента, когда подписи окажутся на бумагах. Девочка ещё молода, наверняка нервничает, поэтому постарайся её не пугать.

— Всё будет как надо.

Отец довольно усмехается и уходит, оставляя меня наедине с моими мыслями. А мысли эти тёмные и злые.

Рада Морозова. Восемнадцатилетняя девчонка, которую продают как товар ради спасения семейного бизнеса. А я покупатель в этой сделке. Мне её не жаль. Жалость это роскошь, которую я себе не могу позволить. Но злость на отца растёт с каждым разом всё больше и больше. Своих дорогих сыновей бережёт, даёт им право жениться по любви, а меня в расход без жалости пускает. И так было всегда и во всём.

Что ж, пускай так. Я женюсь на этой девчонке, получу контроль над акциями, а потом мы ещё посмотрим, кто кого использует.

Глава 5.

Вечер тянулся мучительно долго. Я знала, что он станет поворотным моментом, но не ожидала, что каждое мгновение станет пыткой для меня. Нас пригласили на семейный ужин в дом Айдаровых, чтобы официально объявить о помолвке. Две семьи за одним столом, но какая же пропасть разделяла нас в этот момент.

Длинный стол был накрыт с показной роскошью. Хрусталь, серебро, блюда, которых я и названий не знала. В воздухе повисло тяжёлое напряжение, словно перед грозой. В каждом взгляде чувствовалось не гостеприимство, а насмешки, холодный расчёт и превосходство над нами.

Слева от меня сидела мама, нервно поправлявшая салфетку на коленях. Карина кусала губы, стараясь не смотреть на высокомерные лица хозяев дома. Я чувствовала их напряжение, их стыд за то, что мы здесь находимся не как равные. Каждый взгляд Айдаровых ясно давал понять, что они прекрасно понимают истинную причину нашего визита. Отец, в отличие от мамы и сестры, держал спину прямо и говорил размеренным голосом, будто по-прежнему имел вес в этих кругах. В его словах сквозила гордость за то, что мы теперь будем родственниками с Айдаровыми. И я не понимала до конца, он играет напоказ или на самом деле уже так думает.

Сами же Айдаровы чувствовали себя хозяевами положения. Тимур Рашидович, отец Ратмира, откровенно наслаждался вечером. В каждом его жесте сквозила победа. Он то и дело переглядывался с моим отцом и улыбался так, будто говорил: я купил твою дочь, и ты ещё благодарен за это.

Рядом с ним сидела его жена. Женщина с идеально натянутой улыбкой и глазами, полными злорадства. Она смотрела на меня и словно открыто забавлялась ситуацией. Усмешки, презрительное разглядывание говорили о том, что она не считает меня ровней их семье.

Я чувствовала, как краснею под взглядами всех присутствующих. Но далеко не от стеснения, а от стыда. Мне было противно быть живой куклой, товаром. Чувствовала себя обезьянкой, которую все пришли разглядеть в зоопарке. Ко всему этому я от неопытности и страха отвечала невпопад на всякие вопросы или обращения ко мне. Только мама была отдушиной во всём этом. Она легонько коснулась моей руки под столом, когда в очередной раз я начала дрожать. Лёгкими поглаживаниями успокаивала мою нарастающую истерику.

Марат и Динияр, братья Ратмира, не упускали случая поддеть. И тут тоже непонятно было, кого они поддевали больше, меня или своего брата. Только в любом случае это было неприятно.

— Ты посмотри, как смущается, — усмехался один из них.

— Такая робкая, прямо хрустальная, — добавлял другой, и оба откровенно развлекались, наблюдая за моим смущением.

Мой будущий муж сидел рядом. Его лицо оставалось каменно невозмутимым. Он держался так, будто всё происходящее его не задевает, однако краем глаза я видела напряжение в его плечах. Он не отвечал на подколы, не вставал на мою защиту, но и не позволял себе ни капли насмешки.

Также на этом семейном ужине присутствовал посторонний мужчина, приглашённый гость Тимура Рашидовича. Как я поняла, он был деловым партнёром, а также известным человеком в кругах той компании, где у отца остались те самые акции в залоге. Меня ещё перед поездкой отец предупредил, что этот гость будет присутствовать на ужине, чтобы всем донести, что мы женимся по любви, а не из-за акций. Он на протяжении всего вечера пристально наблюдал за каждым моим движением, за каждым словом Ратмира, и от этого моя нервозность только усиливалась.

Время тянулось бесконечно. Каждая минута казалась часом. Я с трудом прикасалась к еде, боясь, что от волнения меня может стошнить прямо за столом. Мама периодически бросала на меня обеспокоенные взгляды, но ничем не могла помочь. Карина сидела тише воды, ниже травы, явно понимая всю серьёзность ситуации.

— Ну что ж, — наконец проговорил Тимур Рашидович, ставя бокал на стол, — пришло время официальной части, Ратмир.

Все взгляды устремились на нас. Сердце забилося так, что я едва могла дышать. Воздух в комнате словно сгустился, и мне стало трудно вдохнуть. Ратмир повернулся ко мне. Его движения были уверенными, размеренными, а лицо оставалось абсолютно бесстрастным.

Он достал коробочку, раскрыл её и поднял кольцо. Оно оказалось солидным, с внушительным камнем. Ратмир явно не экономил. Но вместо восхищения я чувствовала только панику. В этот момент мне захотелось провалиться сквозь землю. Я чувствовала, как кровь отхлынула от лица, как ладони вспотели от страха.

— Подай руку, — тихо сказал он так, что слышала только я.

Я не могла заставить себя пошевелиться. Внутри всё сжалось от страха и стыда. Руки словно налились свинцом и не хотели подчиняться. Под тихие смешки и шёпот его братьев, под колкий взгляд Алины и торжествующее выражение лица Тимура Рашидовича я с огромным усилием вытянула руку.

Пальцы дрожали так сильно, что я едва могла их контролировать. Он заметил это и, видимо, пожалел меня. Сжал мою ладонь крепче, чем нужно было, будто пытаюсь остановить дрожь. А после медленно надел кольцо. Я почувствовала холод металла и тяжесть камня. Кольцо словно закрепило мою беспомощность, стало символом того, что я больше не принадлежу себе.

— Красиво, — раздался тихий шёпот. Это была Карина, и в её голосе слышалось искреннее восхищение украшением, несмотря на всю тяжесть ситуации.

— Маленькая принцесса получила свою корону, — хмыкнул один из братьев, и в его словах слышалась откровенная насмешка.

Я едва удержала слёзы, которые подступили к горлу. Но Ратмир не сводил взгляд с моего лица. И в его глазах впервые за весь вечер мелькнуло что-то иное, не насмешка, не равнодушные. Что-то, что я не успела разгадать. Неужели у этого человека всё же есть сострадание, подумалось мне на долю секунды.

Тишину прервал голос Тимура Рашидовича. Он поднялся, за ним следом поднялись все присутствующие, и я тоже, не понимая, что происходит. Позже мне стало понятно, что его настолько боятся и уважают одновременно, что никто не смеет сидеть, когда он встаёт.

— Добро пожаловать в нашу семью, девочка. С сегодняшнего дня ты принадлежишь моему сыну Ратмиру, семье Айдаровых. Эти слова прозвучали как приговор. "Принадлежишь" — не "станешь частью семьи", не "будешь нашей дочерью", а именно "принадлежишь", как вещь, как собственность.

Я не смела поднять взгляд на официального теперь уже жениха и затаила дыхание, когда тот начал наклоняться. Подумала, что он хочет поцеловать меня, и запаниковала. Сердце ухнуло в пятки, а дыхание перехватило. Но он, должно быть, заметив мою панику, лишь быстро коснулся моего лба горячими губами и тут же отстранился.

Этот поцелуй в лоб был одновременно облегчением и новым источником смущения. С одной стороны, я была благодарна, что он не стал целовать меня в губы перед всеми. С другой стороны, даже это невинное прикосновение казалось слишком интимным в присутствии стольких людей.

Все зашумели, заговорили громче. Деловой партнёр кивал с довольным видом, явно удовлетворённый тем, что увидел. Для него наша помолвка выглядела достаточно убедительно.

Я сидела, глядя на сверкающее кольцо на своей руке, и чувствовала себя совершенно опустошённой. Это было красиво, дорого, но совершенно чужое. Как и вся эта жизнь, в которую меня втягивали против воли.

Остаток вечера прошёл в тумане. Я машинально отвечала на вопросы, кивала в нужных местах, но мысли были далеко. Всё казалось нереальным, как будто я смотрела фильм о чужой жизни. Когда мы наконец собрались уезжать, Тимур Рашидович пожал руку моему отцу и произнёс.

— Свадьбу играем через три недели. Времени на подготовку достаточно. Три недели. Всего три недели до того момента, когда моя жизнь изменится навсегда. На обратном пути домой в машине царила тишина. Каждый был погружён в свои мысли, и никто не решался первым нарушить молчание.

Глава 6.

Утро после вчерашнего ужина было странным. Казалось, что дом проснулся другим. Не стало той мрачной тишины, что тянулась месяцами. Даже отец выглядел иначе. Когда я села за стол, он тут же накрыл мою руку своей ладонью и чуть сжал её, глядя на меня с таким выражением, которого я давно от него не видела. Воодушевлённым, почти торжествующим.

— Молодец, дочка, — сказал он уверенно, голос его звучал бодро, словно камень с плеч упал. — Всё прошло лучше, чем я ожидал. Теперь наши проблемы решаемы.

Я не подняла на него взгляда. Не могла. Вместо этого пристально изучала узор на скатерти, пытаясь абстрагироваться от его голоса, от его радости, от этого невыносимого ощущения, что меня продали, а он еще и гордится сделкой.

Отец продолжал говорить, словно не замечая моего молчания:

— Знаешь, я переживал, что ты растеряешься, начнешь плакать или еще что-то в этом роде. Но нет! Ты держалась как настоящая леди. Я горжусь тобой.

От этих слов внутри все сжалось болезненным комом. Гордится мной? За что? За то, что я не сбежала? За то, что позволила надеть на себя кольцо, как ошейник? За то, что молчала, пока меня разглядывали, словно товар на рынке?

Я случайно встретила взглядом с мамой. Она смотрела на меня с такой грустью, с таким пониманием и сочувствием. Мама, в отличие от отца, прекрасно понимала, через что я прохожу. Она грустно улыбнулась мне и стыдливо опустила глаза, не в силах больше смотреть на меня.

Карина сидела тише воды, ниже травы. Даже она, в свои пятнадцать лет, понимала неправильность происходящего.

А отец продолжал щебетать о том, какое это счастье породниться с Айдаровыми, какие перспективы это открывает для нашей семьи, как удачно все сложилось.

Обида на отца росла с каждым его словом, каждой довольной улыбкой. Хотелось закричать, встряхнуть его, заставить увидеть, что его радость строится на моем несчастье. Но слова застревали в горле, а воздух становился все гуще. Это удушающее ощущение безысходности не оставляло меня ни на минуту.

После завтрака я поднялась к себе в комнату, надеясь хотя бы немного побыть одна, собраться с мыслями. Но около полудня в дом без предупреждения приехал человек от Айдаровых. Мужчина средних лет в строгом костюме, с каменным лицом и холодными глазами.

— Тимур Рашидович просит собрать девушку, — сообщил он отцу официальным тоном. — Алина Рифатовна желает заняться подбором свадебного платья.

Я замерла на лестнице, услышав эти слова. Свадебное платье? Уже? Так скоро?

— Конечно-конечно! — засуетился отец. — Рада, собирайся быстрее!

У меня не было выбора. Я механически взяла сумку и села в чужую машину, чувствуя себя как во сне. А если быть точнее то как в кошмаре.

Всю дорогу до дома Айдаровых я пыталась настроить себя на то, что меня ждет. Но когда мы подъехали к их внушительной резиденции, нервы снова взяли верх.

Алина Айдарова встретила меня в своем доме с той же натянутой улыбкой, что и вчера. Только теперь в ее глазах читалось нечто большее, чем простое превосходство. Какое-то злорадное удовольствие.

— Ну что ж, дорогая, — проговорила она, оглядывая меня с головы до ног, — пора заняться тобой всерьез. Времени у нас не так много.

Следующие несколько часов стали настоящей пыткой. Алина заставляла меня примерять одно платье за другим, каждый раз сопровождая процесс "деликатными" замечаниями.

— Какое длинное платье, тебе придётся брать каблуки... хотя вряд ли это поможет.

— Такой не модный цвет волос, нужно будет перекрасить. Иначе будешь бледной на фотографиях.

— Это платье слишком пустое на тебе, совсем нет объёма. Придётся что-то подкладывать, иначе будет совсем плоско.

Каждое ее замечание било точно в цель. Она словно специально выискивала мои слабые места, чтобы ткнуть в них сильнее. И при этом притворялась заботливой.

Я молчала, стискивая зубы и напоминая себе, что не имею права огрызаться. Не в моем положении точно. Но внутри все кипело от унижения и бессилия.

К вечеру, когда я уже едва держалась на ногах от усталости и голода, в комнату заглянула прислуга.

— Алина Рифатовна, ужин подан.

— Отлично, — Алина с облегчением отложила очередное платье. — На сегодня все, дорогая. Езжай домой.

Я не сразу поняла смысл ее слов. Она собирается ужинать, а меня... меня отправляет домой? Даже не предложит остаться поужинать? Унижение накрыло новой волной. Значит, я для них настолько ничтожна, что даже за стол не позвали.

Но я снова промолчала. Только когда Алина скрылась за поворотом, я позволила себе сжать кулаки так сильно, что ногти впились в ладони.

Переоделась я быстро, чувствуя легкое головокружение от того, что весь день практически ничего не ела. Нужно было просто добраться до выхода и вернуться домой. Но коридоры в доме Айдаровых оказались настоящим лабиринтом.

Поворот направо, потом налево, еще один коридор... Я поняла, что заблудилась, когда в третий раз оказалась возле одной и той же картины. Злость вспыхнула с новой силой. Неужели я даже не достойна того, чтобы меня проводили?

Развернувшись резко, я быстрыми, злыми шагами пошла в обратную сторону. Нужно было просто выйти отсюда, подальше от этого дома, от этих людей, от всего этого кошмара.

За очередным поворотом я врезалась во что-то твердое и теплое. От неожиданности и скорости, с которой я шла, равновесие было потеряно мгновенно. Я упала на пол с коротким вскриком, больше от испуга, чем от боли.

Подняв глаза, я увидела того, в кого врезалась.

Только его мне не хватало. Мой так называемый жених возвышался надо мной, заполняя собой весь коридор. Даже сидя на полу, я чувствовала его подавляющее присутствие. Широкие плечи в идеально сидящей рубашке подчеркивали каждую линию его атлетичного торса. Темные волосы были слегка взъерошены, а резкие скулы казались еще более жесткими в полумраке коридора. Больше всего раздражали глаза. Черные, пронзительные, они смотрели на меня с таким холодным недовольством, что дыхание перехватило. Губы сжаты в тонкую линию, а вся его поза излучала властность и едва сдерживаемое раздражение.

— Что ты тут делаешь? — его голос звучал резко, без капли сочувствия к тому, что я только что упала.

Глава 7.

— Я... я... — начала я, но слова застревали в горле. От его пронзительного взгляда хотелось провалиться сквозь землю. — Мне т-тут... то есть... меня с-сюда...

Ратмир молча смотрел на меня сверху вниз, ожидая внятного ответа, и от этого я заикалась ещё сильнее.

— Меня привезли на п-примерку платья, — выдавила я наконец, чувствуя, как краска заливает щёки. — А потом мне сказали, что всё закончено, можно е-ехать домой. Но я... я заблудилась тут немного.

В его глазах мелькнуло что-то неуловимое. Удивление? Или что-то другое? Он чуть нахмурился, но тут же скрыл эмоции за привычной маской равнодушия.

— Тебя не проводили? — в его голосе прозвучал едва заметный намёк, будто он понимал больше, чем говорил.

Я поспешно замотала головой, боясь кого-то подставить. А вдруг он заодно с Алиной Рифатовной? Вдруг я скажу что-то не то, и всё станет только хуже?

— Н-нет, не надо! Я сама найду дорогу, правда! — залепетала я, пытаюсь встать и одновременно отползти от него. — Просто немножко запуталась, это ничего такого...

Ратмир больше не стал расспрашивать. Протянул мне руку, явно намереваясь помочь подняться. Я уставилась на его большую ладонь, на длинные пальцы, и что-то внутри меня сжалось. Не могла. Не хотела прикасаться к нему, даже для такой простой помощи.

Неловко упираясь руками в пол, я сама поднялась на ноги, старательно избегая его взгляда. Ратмир проследил каждое моё движение, и когда я отказалась от его руки, слегка прищурился. В этом прищуре читалось недовольство моим отказом, словно он не привык к тому, что кто-то отвергает его помощь.

Спустя минуту он произнёс низким, бархатистым голосом, от которого по спине пробежала дрожь: — Иди за мной.

Я замерла на мгновение, как провинившаяся школьница, а потом нервозность взяла верх. Руки сами собой начали отряхивать несуществующие пылинки с платья, нервно поправлять складки. Сумка никак не хотела нормально висеть на плече, то съезжала, то ручка запутывалась. Все эти мелкие движения выдавали моё волнение, но остановиться я не могла.

— Я жду, — добавил Ратмир, и в его голосе послышались нотки нетерпения.

Я кивнула и поплелась за ним по коридору, держась на почтительном расстоянии. Он шёл уверенно, знал каждый поворот в этом доме. А я семенила сзади, боясь отстать и снова заблудиться.

У выхода его ждала чёрная машина. Дорогая, блестящая, такая же безупречная, как и всё в его жизни. Ратмир открыл передо мной дверь, и я, не поднимая глаз, скользнула на сиденье. Кожаный салон пах дорогой парфюмерией и чем-то сугубо мужским.

Всю дорогу мы молчали, и я была этому несказанно рада. Не знала, о чём с ним говорить, да и не хотела. Смотрела в окно на проплывающие мимо дома, фонари, редких прохожих, и пыталась не думать о том, что сижу рядом с человеком, который скоро станет моим мужем.

Когда мы подъехали к моему району, я уже приготовилась выйти, но Ратмир вдруг остановил машину немного не доезжая до дома. Заглушил двигатель и повернулся ко мне. Его тёмные глаза в полумраке салона казались ещё более пронзительными.

— Давай-ка мы с тобой кое-что проясним.

Его слова повисли в воздухе, давящие и заставляющие понять, что разговор будет непростым. От этой тяжести я словно парализовалась, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

— С этого момента любые вопросы сначала обсуждаешь со мной, — произнёс Ратмир ровным, спокойным голосом, от которого по коже пробежали мурашки. — Ставишь меня в известность, и только потом, исходя из моего ответа, будешь делать то, что нужно будет.

Внутри всё возмутилось. Каждый шаг согласовывать с ним? Спрашивать разрешения, как маленькой девочке?

Я больше не принадлежу себе, это очевидно, но вот так открыто говорить мне об этом зачем? Для чего? Чтобы меня унижить?

Жар поднялся к щекам, руки сжались в кулаки на коленях. Хотелось возразить, закричать, что я не вещь, что со мной так нельзя, но слова застревали в горле.

— У нас с тобой договорной брак, — продолжал он, не сводя с меня тёмного взгляда. — И мы оба это знаем. Поэтому прекрати трястись каждый раз, когда видишь меня. И шарахаться от меня тоже прекращай. Вопрос нашего брака решён, поэтому привыкай быстрее к моему обществу.

Я опустила глаза, чувствуя, как щёки горят от стыда. Он был прав насчёт моего поведения, но как я могу изменить себя по щелчку? Всё происходило слишком быстро, я не была готова ни к чему из этого.

— Веди себя спокойно, — в его голосе послышались стальные нотки. — Никто тебя не съест. Я не люблю робких, дрожащих женщин.

От этих последних слов щёки вспыхнули ещё сильнее. Робкая, дрожащая... Именно такой я и была. Именно такой он меня видел. Стыд и обида смешались в груди, заставляя сжаться ещё сильнее. Хотелось возразить, сказать, что я не такая! Но я не могла, потому что он был прав.

Тем не менее внутри всё кипело против требования согласовывать с ним каждый свой шаг. Но одновременно понимание собственного поведения заставляло корить себя. Как мне справиться с собой, если от одного его взгляда я теряю способность связно говорить?

— У тебя есть вопросы? — спросил он наконец, слегка наклонив голову. — Что-то непонятно?

Я с трудом подняла взгляд, встретилась с его глазами на секунду и тут же опустила голову.

— Всё понятно, — прошептала я едва слышно.

Повисла тяжёлая пауза, и даже не глядя на него, я почувствовала его недовольство моим ответом.

— Тогда посмотри на меня, — его голос стал жёстче.

Пришлось заставить себя поднять глаза. Встретиться с его взглядом было как смотреть на солнце, хотелось тут же отвернуться.

— Не избегаешь моих взглядов, не трясёшься, — перечислял он, не отводя глаз. — Иначе все сразу поймут, что у нас не настоящий брак. А если сделка сорвётся, наша договорённость аннулируется, и вы будете решать свои проблемы сами.

Холод разлился по груди. Семья. Долги. "Серьёзные люди", о которых говорил отец. Если я всё испорчу... Я непроизвольно коснулась шеи нервным жестом, не отводя взгляда от его лица.

— Я всё поняла, — сказала я чуть увереннее. — Мне просто... немного нужно времени, чтобы привыкнуть.

Я старалась держать его взгляд, но глаза предательски опускались вниз, а потом я снова заставляла себя смотреть на него. Получалось плохо, но я пыталась.

Ратмир несколько секунд изучал моё лицо, потом чуть кивнул.

— Хорошо. Договорились.

Он завёл машину и довёз меня прямо к воротам дома. Выйдя, обошёл машину и открыл мне дверь. Протянул руку, чтобы помочь выйти из высокого джипа.

Я смотрела на его большую ладонь и сразу поняла, что это проверка. В доме я отказалась от его помощи, а теперь он хочет увидеть, насколько я поняла и готова исполнять договорённости.

Неуверенно, нехотя, но всё же протянула ему руку. Его тёплые пальцы тут же сомкнулись вокруг моих, крепко поддерживая, пока я спускалась с высокого сиденья. Когда я коснулась земли ногами, он аккуратно закрыл дверь машины, однако руку мою не отпустил.

Я попыталась мягко высвободить ладонь, но его хватка не ослабла. Растерянно посмотрела по сторонам, потом на него, поправляя свободной рукой сумку на плече.

Ратмир молча смотрел на мою руку в своей ладони, а потом начал медленно поглаживать большим пальцем. От этого неожиданного прикосновения меня словно током ударило. Волна смущения накрыла с головой, дыхание участилось, а в груди всё сжалось в тугий узел.

После долгого молчания он прищурился и тихо спросил:

— Где твоё кольцо?

Внутри всё оборвалось. Кольцо... Я сняла его сразу после помолвки, ещё в машине, когда мы уезжали от Айдаровых. Засунула в сумку и забыла. Не хотела даже видеть его на своей руке. А теперь он заметил его отсутствие.

— Я... я... — начала заикаться, чувствуя, как паника поднимается волной.

Ратмир чуть сильнее сжал мои пальцы и потянул меня на себя. Наклонился к самому уху, и его горячее дыхание обожгло кожу.

— Мне плевать на твои тараканы в голове! И на то, что ты хочешь или не хочешь, тоже плевать, — прошептал он низким голосом, от которого по спине пробежала дрожь. — Кольцо придётся носить. Поняла?

Близость его тела, горячее дыхание у уха, этот хриловатый шёпот — всё смешалось в одну волну ощущений, которая накрыла меня целиком. Страшно и волнительно одновременно.

— Да, да, да! — закивала я в панике, отчаянно желая побыстрее сбежать и отдалиться от него. — Я всё поняла!

В попытке отстраниться я резко повернулась к нему лицом, но он оказался слишком близко. Мой нос задел его щёку, а губы...

Губы случайно коснулись его губ.

Глава 8.

Прошло четыре дня после того как я случайно поцеловала этого Айдарова. Целых четыре дня! Но я всё ещё не могла выбросить из головы то, что случилось в тот вечер. Каждый раз, когда закрывала глаза, перед глазами всплывало его лицо в тот момент, когда наши губы соприкоснулись. Всего на секунду, случайно, но этого хватило, чтобы весь мой мир перевернулся.

— Рада, ну расскажи же наконец, что у тебя творится! — Лейсан сидела на моей кровати, поджав под себя ноги, и с нетерпением ждала ответа. — Ты вся какая-то странная в последние дни.

Моя бывшая одноклассница приехала в гости, как и обещала ещё неделю назад, но я всё откладывала этот разговор. Знала, что придётся рассказать правду, а к этому было сложно подготовиться.

— Лейсан, — начала я неуверенно, садясь рядом с ней. — То, что я тебе расскажу, должно остаться между нами. Обещаешь?

— Конечно! — она кивнула так энергично, что её светлые кудри запрыгали. — Ну давай же!

Я глубоко вдохнула и решила:

— Мой брак... он не настоящий. То есть настоящий, конечно, но не по любви.

Лейсан моргнула, не сразу поняв.

— Как это не настоящий?

— У нас дома проблемы с деньгами. Серьёзные проблемы, — объяснила я, чувствуя, как голос становится тише. — Отец задолжал огромную сумму, и единственным способом решить проблему было передать наши акции семье Айдаровых. Чтобы сделка прошла без проблем, им требовалась гарантия, и этой гарантией стала я.

— То есть тебя продали? — ахнула Лейсан, прикрывая рот ладонью.

— Можно и так сказать, — кивнула я с горькой усмешкой. — За спасение семейного бизнеса.

Подруга несколько секунд переваривала информацию, а потом взорвалась.

— Рада, это же средневековье какое-то! Как твои родители могли такое сделать? Ты же не вещь!

— Лейсан, пожалуйста, не надо так громко, — испугалась я. — А что мне было делать? Если я откажусь, пострадают мама и Карина. Отец говорил про серьёзных людей, которым он задолжал и они не прощают долгов, понимаешь?

— Нет, это... Это же неправильно! Так не должно быть! — не унималась она. — Давай ты сбежишь! Я помогу тебе! У меня есть знакомые в другом городе, спрячем тебя, поможем там устроиться на работу, снять квартиру...

— Нет, — качнула я головой. — Я не смогу так поступить с семьей. Не смогу их бросить. Лейсан расстроено вздохнула и взяла меня за руки.

— Ну хорошо, а как он сам? Этот твой... жених? Хотя бы не урод?

Я почувствовала, как щёки вспыхнули.

— Он... нормальный. Красивый даже. Но холодный такой, властный. А ещё я умудрилась его поцеловать сама. Боже, мне так стыдно...

— Ты? — переспросила подруга не веря.

Я рассказала ей про тот вечер, про разговор в машине, про то, как он не отпускал мою руку у дома. А потом дошла до самого главного.

— И вот он спрашивает про кольцо, наклоняется ко мне, прямо к уху, и говорит всякие строгости. А я от растерянности резко поворачиваюсь, и... наши губы соприкасаются.

— Ого! — выдохнула Лейсан. — И что дальше?

— Дальше я отшатнулась, начала заикаться, говорить, что случайно, что не хотела. А он всё держал мою руку и смотрел на меня так... прищурившись. Молча. Очень долго. Я хотела убежать, но не могла, он же руку не отпускал. Только когда я сильнее дёрнулась и вырвалась, смогла убежать.

— И всё? Он ничего не сказал?

— Ничего. Просто смотрел.

Лейсан задумчиво покусала губу.

— А ты что чувствовала? Ну, когда губы соприкоснулись?

Я уставилась в пол, не зная, как объяснить.

— Ляся, я ведь целовалась раньше... С Андреем из параллельного класса, ты же помнишь. Для меня в этом не было ничего особенного. Поцелуй как поцелуй. Да, приятно, но не так, чтобы сердце замирало или колени подкашивались, как все рассказывали. А здесь... было по-другому. Будто что-то щёлкнуло внутри меня. И это от одного лишь лёгкого касания губ, которое почему-то оказалось слишком ярким для такой мимолётной случайности.

— Рада, — подруга прищурилась и наклонилась ближе. — Ты, может, уже того... к нему неравнодушна?

— Нет! — слишком быстро возразила я. — Нет, конечно. Просто... просто всё слишком странно и быстро происходит.

Подруга внимательно изучала моё лицо некоторое время. И видимо она увидела как я вымоталась и измучилась за эти дни, что предложила следующее.

— Слушай, — мягко сказала она. — Тебе нужно развеяться. Отвлечься от всего что творится сейчас.

— Что ты имеешь в виду?

— Вечеринка у Кати Семёновой помнишь? Она на всех нас приглашения разослала ещё месяц назад. Или можем в тот новый клуб сходить, который недавно открылся. Выбирай, я за любой вариант.

— Ляся, нет, — замотала я головой. — Я не могу сейчас на вечеринки ходить.

— Почему? Ты же ещё не замужем! Имеешь полное право отдохнуть перед тем, как твоя жизнь кардинально изменится. Считай, это твой законный девичник, — Ляся уже совсем увлеклась своими мыслями.

— Родители не отпустят.

— А кто сказал, что нужно их спрашивать? — хитро улыбнулась она. — Помнишь, как мы в старшем классе тайком на вечеринки ездили?

Конечно, помнила. Дождёмся, когда родители заснут, и через окно в сад, а потом уже куда угодно. Только тогда это казалось безобидным развлечением, а сейчас...

— Ляся, я не знаю...

— Рада, посмотри на себя! Ты вся бледная, под глазами круги, руки трясутся всё время. Так нельзя. Тебе правда нужно хоть немного расслабиться. Всего один вечер, ничего не случится за это время. Ну! Давай же, соглашайся!

Я смотрела на своё отражение и понимала, что она права. Последние дни я практически не спала, всё время думала о предстоящей свадьбе, о том случайном поцелуе, о том, как буду жить с чужим человеком.

— Один вечер, — продолжала на повторе Лейсан. — Просто один вечер, когда ты будешь обычной девушкой, а не товаром в деловой сделке. Сделай это для себя! Ну же, соглашайся.

Эти слова больно ударили, но в них была правда. Скоро я стану женой Ратмира Айдарова, и тогда о какой-либо свободе можно будет забыть. Может быть, это действительно последний шанс побыть свободной, собой в конце концов?

— Хорошо, — выдохнула я. — Но только на пару часов.

— Отлично! — обрадовалась Лейсан. — Тогда договорились. Дождёмся ночи и идём развеиваться!

Вечером я сказала родителям, что очень устала и рано ложусь спать. Карине соврала, что у меня болит голова, и попросила не беспокоить. К десяти в доме воцарилась тишина.

Лейсан приехала и ждала меня в саду. Я тихонько открыла окно своей комнаты на первом этаже и осторожно выбралась наружу. Сердце колотилось от волнения и страха быть пойманной.

— Ну как, соскучилась по приключениям? — прошептала подруга, обнимая меня.

— Умираю от страха, — честно призналась я.

— Всё будет хорошо. Пошли!

Я оделась нарочно скромно, остановилась на чёрных джинсах и лёгкой блузке без лишних деталей. Даже не стала краситься. Хотелось остаться незаметной, не привлекать к себе лишних взглядов. Главное было оказаться среди людей и хотя бы ненадолго отдохнуть от собственных переживаний.

Мы отправились в новый клуб в центре города. Внутри было полно движения, звуков музыки и смеха. Всё это оказалось именно тем, чего мне так не хватало последние недели. Постепенно я начала расслабляться и даже позволила себе немного улыбнуться.

— Видишь, как тут хорошо! — кричала Лейсан, перекрывая музыку. — Ты уже выглядишь живой!

Я кивнула, действительно чувствуя, как напряжение понемногу отпускает. Может быть, подруга была права. Может быть, мне действительно нужно было это...

Мы танцевали уже минут двадцать, и я впервые за долгое время чувствовала себя свободной. Музыка словно проникала в каждую клеточку тела, заставляя двигаться плавно и естественно. Я закрыла глаза, позволяя ритму вести себя, и почувствовала, как тело само находит нужные движения. Руки плавно скользили вдоль силуэта, бёдра покачивались в такт басам, а волосы развевались при каждом повороте головы. Впервые за долгие недели я была просто Радой, а не дочерью с долгами и не невестой по принуждению, а обычной девушкой, которая танцует и наслаждается моментом.

Я так увлеклась танцем, что сначала не заметила, как изменилось моё настроение. Музыка всё так же играла, тело двигалось в том же ритме, но внутри появилось какое-то беспокойство. Словно кто-то пристально наблюдает за мной. Сначала я списала это на паранойю, ведь всё-таки тайком сбежала из дома, нервы на пределе. Но ощущение не проходило, становилось только сильнее.

Я невольно начала оглядываться по сторонам, пытаюсь понять, откуда исходит это давящее чувство. Взгляд скользил по лицам танцующих, по столикам, по бару... И тут я замерла.

Сердце пропустило удар. Дыхание застряло в горле. Весь клуб словно исчез, оставив только одну фигуру.

У барной стойки, в компании нескольких мужчин, стоял Айдаров. Его тёмные глаза были направлены прямо на меня, и даже в полумраке клуба я чувствовала, как они сверлят меня насквозь.

Глава 9.

Я застыла на месте, словно корни проросли сквозь подошвы туфель в пол клуба. Его взгляд прожигал насквозь, и казалось, что весь шум вокруг растворился в воздухе. Танцы, смех, пульсирующая музыка исчезли, осталась только эта пронзительная тьма в его глазах, которая не отпускала меня.

Воздух застыл в лёгких. Каждая клеточка тела кричала "беги", но ноги отказывались слушаться. Время словно остановилось, и в этой бесконечной секунде я поняла одну простую истину. Меня ждут серьёзные неприятности.

Судорожно сглотнув, я поспешно отвела взгляд, отчаянно пытаюсь притвориться, будто ничего не заметила. Сделала вид, что ищу Лейсан в толпе, что слишком увлечена музыкой, что я его не видела или как минимум не узнала. Но внутри всё уже перевернулось с ног на голову, потому что я понимала, что он меня увидел и понял, что я тоже его узнала. А ещё он видел, как я танцевала и наслаждалась свободой, как делала именно то, что он мне запретил.

— Рада, ты чего? — крикнула в ухо Лейсан, заметив, что я вдруг сбилась с ритма и стою как столб посреди танцпола.

— Всё нормально! — соврала я, силясь выдавить улыбку, которая, наверное, получилась кривой и неестественной.

Подруга ничего не заподозрила, снова закружилась под музыку, погружаясь в ритм, а я чувствовала, как по спине пробегают мурашки. С каждой секундой становилось всё тяжелее находиться здесь, под этим пристальным взглядом. Хотелось исчезнуть, раствориться в толпе, провалиться сквозь землю, лишь бы не встретиться с ним глазами ещё раз.

Я попыталась сделать несколько шагов в сторону выхода, стараясь двигаться естественно, будто хочу выйти подышать. Но даже не оборачиваясь, я чувствовала на себе его взгляд. Этот взгляд обжигал кожу, и с каждым шагом становилось только хуже.

Не выдержав, я украдкой глянула в его сторону. Айдаров всё так же стоял у барной стойки, высокий, спокойный, окружённый группой мужчин, но будто отрезанный от всего мира. Его друзья что-то говорили, смеялись, но он не участвовал в разговоре. Он смотрел только на меня. Внимательно, неотрывно, с той холодной сосредоточенностью хищника, который выбрал добычу.

Паника поднялась волной. Я резко развернулась и направилась к выходу, стараясь не бежать, но каждый мускул тела требовал бежать как можно быстрее и как можно дальше.

— Лейсан, мне нужно выйти подышать! — крикнула я подруге, даже не оборачиваясь.

Она что-то ответила, но слова потонули в музыке. Я уже протискивалась сквозь толпу к выходу, отчаянно нуждаясь в свежем воздухе и хотя бы минутной передышке от этого давящего присутствия.

Ночной воздух обдал лицо прохладой, но сердце продолжало колотиться так бешено, что казалось, его услышат все прохожие в радиусе километра. Я облокотилась о холодную стену клуба, жадно вдыхая кислород и пытаюсь привести в порядок мысли.

Может быть, он даже не понял, что это я, отчаянно думала я.

Но эти жалкие попытки самообмана рассыпались, едва я попыталась в них поверить. Разумеется, он всё видел и прекрасно понял, кто перед ним на танцполе, забывшись, извивался под ритмы музыки.

— Господи, зачем я вообще сюда пошла... — выдохнула шёпотом, закрывая глаза и прижимаясь затылком к стене.

Дверь клуба за спиной открылась с глухим стуком, и моё сердце ухнуло куда-то в пятки. Я не обернулась, но знала, что это он. Внутренний голос кричал об опасности.

Шаги приближались медленно, уверенно, неторопливо. Без спешки человека, который точно знает, что добыча никуда не денется. Я прижалась к стене сильнее, как будто холодный кирпич мог меня спрятать или защитить.

— Ты любишь испытывать судьбу, Рада, — его голос раздался совсем близко, низкий, спокойный, тот самый бархатистый тон, от которого по телу пробегала предательская дрожь.

Я резко обернулась, встретившись с ним глазами. Он стоял в нескольких шагах от меня, руки спокойно лежали в карманах брюк, поза расслабленная, но во взгляде не было ни капли мягкости. Тяжёлый, пронизывающий взгляд, без единой тени улыбки или снисхождения.

— Я... я просто... — слова застряли в горле, как будто кто-то перехватил мне дыхание.

— Что? — он сделал шаг ближе, и теперь между нами оставалось совсем немного пространства. Столько, что я чувствовала его парфюм, смешанный с чем-то сугубо мужским. — Что просто? Или ты решила, что никто не узнает о твоих ночных похождениях?

Щёки вспыхнули от стыда.

— Я... я просто решила отдохнуть, — пролепетала я, голос дрожал, но в нём прозвучала едва слышная попытка защитить себя. — Ничего плохого не сделала... Я редко так делаю, поэтому ночные похождения... это не про меня...

— Отдохнуть, — повторил он с лёгкой иронией, и в его голосе прозвучала едва заметная насмешка. — Значит, ты считаешь, что имеешь право самостоятельно решать, когда и где тебе отдыхать?

Вопрос прозвучал обманчиво мягко, но в нём скрывалась такая холодная угроза, что я невольно поёжилась.

— Я же... я взрослая, — пролепетала я еще тише, но тут же осеклась под его пронзительным взглядом.

— Взрослая, — констатировал он, словно пробуя это слово на вкус и находя его неподходящим. — Ладно. Тогда ответь мне на вопрос. Твой отец знает, что ты поехала в клуб отдохнуть?

Внутри всё похолодело. Вопрос ударил точно в цель, и я поняла, что попала в ловушку. Конечно, отец не знал. Конечно, я обманула всех дома. И теперь своими действиями подставляла не только себя, но и семью. Если об этом узнает отец, если дойдёт до Айдаровых старших... Господи, что я натворила?

Я опустила глаза, потому что смотреть в его тёмные, беспощадные глаза было невозможно. Казалось, они видят насквозь каждую мою мысль, каждое оправдание, каждую попытку защитить себя.

— Рада, — он произнёс моё имя так, будто выносил приговор. — Я не прощаю самовольства. Даже самого маленького.

— Но я не... — я запнулась, осознав, что любое оправдание сейчас звучит жалко и глупо. Он молчал, просто смотрел на меня, и это молчание пугало больше любых слов.

Вдруг он протянул руку и коснулся моего подбородка. Я инстинктивно дёрнулась, но его пальцы оказались неожиданно крепкими, они удержали меня, мягко, но непреклонно заставляя поднять голову.

— Посмотри на меня, — приказал он тихо, но в этой тишине слышалась непрекращаемая власть.

Я подчинилась, хотя всё во мне сопротивлялось. Его взгляд приковал к себе, лишая воздуха и способности здраво мыслить.

— Запомни, — голос стал ещё ниже, чуть хриплым. — Это первый и последний раз, когда я закрываю глаза на твои выходки. Я не намерен с тобой нянчиться. Если ты не поняла, как обстоят дела, я пожалуй посвящу тебя. Этот брак нужен больше вам, чем мне. Усекла?

Я судорожно кивнула, не в силах произнести ни слова. Страх сдавил горло так, что дышать стало трудно.

— Не заставляй меня передумать, — добавил он, наклоняясь ещё ближе, так что я почувствовала тепло его дыхания на своих губах. — Поверь, это в твоих же интересах.

Я не знала, что ответить, что вообще можно ответить на такое. Просто стояла, застыв между страхом и каким-то странным, опасным трепетом, который поднимался откуда-то из глубины души.

— Кивни, если поняла меня, — сказал он, сокращая ещё больше дистанцию между нашими губами.

И я запаниковала. Совершенно по-детски, нелепо. Резко подняла обе ладони и закрыла ими губы, зажмурившись так крепко, что перед глазами замелькали искры. Сердце колотилось так бешено, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. В этой близости было что-то такое... опасное, завораживающее, от чего внутри всё переворачивалось и замирало одновременно.

Глава 10.

Этот клуб мне сразу не понравился. Слишком шумно и пафосно. Но Булат продолжал настаивать на том, что тут качественный контингент, и я смогу наконец расслабиться перед предстоящей свадьбой.

— Последний шанс погулять холостяком, — хмыкал он, заказывая нам что-то покрепче.

Я молчал, оглядывая толпу. Передо мной расстился стандартный набор. Накрашенные куклы в мини-юбках и топах, которые еле прикрывают то, что должно интриговать, а не выставляться напоказ. Все на одно лицо, все одинаково доступные и предсказуемые.

Скучно.

Взял бокал и отошел к барной стойке, продолжая наблюдать за танцующими, пока парни продолжали обсуждать что-то о том как будет весело сегодня ночью. Может, Булат прав, и мне тоже стоит найти кого-то на эту ночь. Уже через пару недель я стану мужем восемнадцатилетней девчонки, которая дрожит при одном моем взгляде. Такая перспектива радости не добавляла.

Музыка сменилась на что-то более ритмичное, и толпа на танцполе заметно ожила. Мой взгляд лениво скользил по фигурам, пока не зацепился за что-то совершенно неожиданное.

Среди всех этих полуголых красоток выделялась одна фигура. Не красотой, а как раз наоборот. Самые обычные джинсы, полностью закрытая блузка, бледная кожа без привычной глазу боевой раскраски. Что за серая мышь? Кто вообще пустил эту замухрышку сюда? У этого заведения фейс-контроль вообще существует?

Настроение у меня и так было неважным, а после этой картины стало совсем паршиво. Я не переносил таких «правильных» девочек, которые думают, что, попав в клуб, станут более заметными. Таких я презирал больше всего. Ни рыба ни мясо, без характера, без малейшей изюминки.

Я отвернулся, но через минуту какое-то странное чувство вынудило меня снова посмотреть в её сторону.

Эта невзрачная фигурка оказывается умела двигаться. Несмотря на полное отсутствие форм, несмотря на скромный наряд, её тело двигалось плавно и естественно. Длинные светлые волосы развевались при каждом повороте, а руки скользили вдоль силуэта так, что ниже пояса что-то неожиданно отозвалось.

Хм... Любопытно.

Девчонка закрыла глаза, полностью отдавшись музыке. В её движениях читалась скрытая чувственность. Бёдра покачивались в такт басам, и я поймал себя на том, что не могу оторвать взгляд от этого зрелища.

А потом она повернулась лицом в мою сторону и меня будто холодом окатило.

Нет. Мне явно показалось.

Но я не смог успокоиться. Прищурился, пытаюсь разглядеть её получше сквозь полумрак и мигающие огни. Мозг отчаянно искал объяснения, любые другие варианты. Девчонок с такой фигурой сотни по городу, светлые волосы у половины населения, а профиль... профиль может обманывать в этом освещении.

Но я продолжал смотреть, и когда она снова оказалась в поле зрения, сомнений больше не осталось.

Рада. Моя чёртова невеста танцует в клубе, куда обычно ходят только ради одного!

Лава закипела в груди. Ярость, такая чистая и горячая, что пришлось сжать зубы, чтобы не выругаться вслух на весь клуб. Вот же маленькая лгунья! Дома строит из себя невинную овечку, а сюда приперлась крутить задом перед всеми мужиками.

Я поставил бокал на барную стойку и впился взглядом в её фигуру. Каждое движение, каждый изгиб теперь казались личным вызовом мне. Она делала именно то, что я ей запретил. Вела себя как свободная женщина, хотя уже принадлежала мне по всем правилам.

Булат что-то говорил рядом, но я его больше не слышал. Вся моя концентрация была направлена на неё. На то, как её тело реагирует на музыку, как она наслаждается этой мнимой свободой, которой у неё больше нет.

А потом что-то изменилось в её движениях. Она замедлилась, заметно напряглась. И медленно посмотрела в мою сторону.

Попалась, крошка.

Даже через полумрак клуба я отчётливо видел, как она побледнела, как широко распахнулись её глаза. Секундная заминка, отчаянная попытка отвернуться и сделать вид, что ничего не произошло.

Не выйдет, малышка.

Наши взгляды встретились ещё раз, и на этот раз она уже точно не могла притворяться. Паника была написана на её лице крупными буквами. Она узнала меня так же ясно, как я узнал её.

Начала медленно пятиться к выходу, пытаясь раствориться в толпе танцующих. Умная девочка, но уже поздно. Слишком поздно.

Я решил дать ей небольшую фору. Пусть думает, что может сбежать от меня. Пусть почувствует себя в относительной безопасности. Это только сделает последующий разговор намного интереснее.

Булат заметил, что я собираюсь уходить.

— Куда это ты? Вечер только начинается!

— Появилось срочное дело, — бросил я, не оборачиваясь.

На улице воздух оказался заметно прохладнее, чем в душном клубе. Она стояла у стены, бледная, как мел, жадно вдыхала воздух, будто только что спаслась от смерти. Наивная.

— Ты любишь испытывать судьбу, Рада, — сказал я, останавливаясь совсем рядом.

Её глаза метались, как у загнанного зверька. И чёрт возьми, не знаю почему, но именно в этот момент она показалась мне красивой.

— Я... я просто... — она заикалась, что выглядело даже мило.

— Что? — я сделал шаг ближе. — Что просто? Или ты решила, что никто не узнает о твоих ночных похождениях?

Её щёки мгновенно вспыхнули ярким румянцем. Стыдно тебе, малышка? Всё правильно. Тебе очень должно быть стыдно!

— Я... я просто решила отдохнуть, — попыталась она жалко оправдаться. — Ничего плохого не сделала... Я редко так делаю, поэтому ночные похождения... это не про меня...

Её жалкие попытки возразить меня скорее забавляли. В другой ситуации я бы усмехнулся, но внутри всё кипело от желания придушить эту маленькую лгунью.

— Отдохнуть... Значит, ты искренне считаешь, что имеешь право самостоятельно решать, когда и где тебе отдыхать?

— Я же... я взрослая, — снова трясаясь продолжила она.

— Взрослая. — Мне захотелось рассмеяться ей в лицо. — Ладно. Тогда ответь мне на простой вопрос. Твой отец знает, что ты поехала в клуб отдохнуть?

Конечно, не знает. У меня на этот счёт не было никаких сомнений.

Девчонка побледнела настолько сильно, что на секунду я всерьёз подумал, не грохнется ли она прямо здесь в обморок.

— Рада. — Моё терпение стремительно подходило к концу. — Я не прощаю самовольства. Даже самого маленького.

Она пыталась что-то сказать в свою защиту, но нужные слова явно не находились. Я молчал, сознательно позволяя тишине давить на неё всем своим весом. Этот метод всегда работал намного лучше любых криков и угроз.

Потом медленно протянул руку и поднял её подбородок. Она инстинктивно дёрнулась, но я не позволил ей вырваться.

— Посмотри на меня, — приказал тихо. — Запомни раз и навсегда. Это первый и последний раз, когда я закрываю глаза на твои дурацкие выходки. Я не намерен с тобой нянчиться. Если ты не поняла, как обстоят дела, я с удовольствием тебя просвещу. Этот брак нужен больше вам, чем мне. Усекла?

Она кивнула так отчаянно и судорожно, что стало почти жалко.

— Не заставляй меня передумать насчёт этой свадьбы, — добавил я, наклоняясь ещё ближе к её лицу. — Поверь мне на слово, это исключительно в твоих интересах.

Воздух между нами накалился до предела. Я чувствовал, как она мелко дрожит, как заметно участилось её дыхание. Интересно, это только животный страх или что-то совершенно другое?

— Кивни, если поняла меня, — сказал я, сокращая дистанцию между нами ещё больше.

И тут она меня удивила. Резко подняла обе руки, закрыла ими губы и крепко зажмурилась, как маленький ребёнок, который думает, что если не видит опасности, то её нет. Забавная она конечно.

Но спустя секунду до меня дошло, почему она так отреагировала. Я осознал, насколько близко к ней придвинулся. Мои губы находились всего в нескольких сантиметрах от её губ. Достаточно было наклониться ещё на пару сантиметров, и... Она, видимо, подумала, что я собираюсь её поцеловать.

Мой взгляд невольно скользнул туда, где должны были быть её губы, скрытые сейчас за ладонями. И память тут же подкинула воспоминание о том случайном касании её губ моих несколько дней назад. Мягкие, тёплые, удивительно нежные для такой зажатой девчонки. И запах... тогда я тоже отметил, как вкусно она пахнет. Никакой навязчивой парфюмерии, что-то свежее, чистое.

Сейчас я бы не отказался повторить тот эксперимент. Только уже осознанно.

Но видя её забавную реакцию, решил пока не пугать малышку ещё больше. Рано. Слишком рано для таких игр с ней.

Прокашлялся и отступил на шаг.

— За мной, — бросил коротко и направился к стоянке.

Через несколько шагов обернулся. Рада убрала руки от лица, открыла глаза, но стояла на том же месте, явно не собираясь никуда идти.

— Живо! — надавил голосом, чтобы уже наконец отмерла.

Этого хватило. Она вздрогнула и поспешила за мной.

Дорога до машины прошла в полном молчании. Я открыл ей дверь, она села, не поднимая глаз. Завёл двигатель и выехал со стоянки.

Первые несколько минут она молчала, нервно сжимая руки на коленях. Но когда я повернул в противоположную от её дома сторону, почувствовал, как она напряглась.

— Куда мы едем? — голос прозвучал тихо, но в нём слышался нарастающий испуг.

Я не ответил, продолжая вести машину. Пусть поволнуется. Пусть понимает, что игры закончились.

— Пожалуйста, скажи, куда мы едем? — повторила она, уже с отчётливой паникой.

Только тогда я оторвал взгляд от дороги и посмотрел на неё.

— Ко мне.

Её глаза расширились до предела, а руки схватились за ремень безопасности, нервно дёргая его туда-сюда.

— Что это значит? — прошептала она.

Я выдержал паузу, наслаждаясь её состоянием. Потом всё же соизволил ответить.

— Твой отец заверял меня, что ты девственница. Справку медицинскую даже предоставил. Но после твоей сегодняшней выходки я всерьёз могу усомниться, что в первую брачную ночь рядом со мной окажется чистая жена.

Она побледнела ещё сильнее, если это вообще было возможно.

— Поэтому до свадьбы поживёшь у меня. Под присмотром. Чтобы я был уверен в том, что не получу испорченный товар.

Глава 11.

Испорченный товар...

Эти слова эхом отдавались в голове, каждый раз более предыдущего. Я сидела в его машине, открывая и закрывая рот, как рыба, выброшенная на берег. Слова застревали в горле, мысли путались, а внутри всё переворачивалось от ужаса и унижения.

Как он может так говорить? Как вообще можно так думать о человеке?

Я попыталась что-то сказать, хоть как-то возразить, но он уже потянулся к телефону. Пальцы уверенно пролистывали контакты, и моё сердце забилося ещё быстрее.

— Куда вы звоните? — выдавила я, чувствуя, как голос дрожит.

— Твоему отцу, — ответил он спокойно, не отрывая взгляда от экрана.

Паника захлестнула меня с головой.

— Нет, нет, не надо! — я потянулась к его руке с телефоном, но он легко отстранился. — Пожалуйста, не надо!

— Как же не надо? — в его голосе послышались насмешливые нотки. — Надо же его предупредить, что с этого момента ты живёшь у меня.

До меня наконец дошёл весь ужас ситуации. Я не просто попала на своей глупости. Теперь об этом узнают родители. Отец будет в ярости, мама расстроится до слёз, а Карина... Господи, что они все обо мне подумают?

— Пожалуйста, не звоните ему! — я схватилась за его рукав. — Пожалуйста, отвезите меня домой! Я всё поняла! Я больше не буду делать никаких глупостей! Буду всё время спрашивать у вас разрешения, буду звонить, если что! Только не звоните отцу, не надо!

Слова лились потоком, я готова была обещать что угодно, лишь бы он убрал телефон. Но Ратмир смотрел на меня каким-то нечитаемым взглядом. Не злился, но и не выглядел тронутым моими мольбами. Просто изучал меня, словно интересный экспонат в музее.

И продолжал набирать номер.

Длинные гудки показались мне вечностью. Может быть, отец не ответит? Может быть, телефон разрядился? Может быть...

— Алло? — сонный голос отца из динамика заставил меня вздрогнуть. — Ратмир? В такое время... что-то случилось?

— Здравствуйте, Анатолий Петрович, — голос Ратмира стал официально вежливым. — Скажите, а вы знаете, где ваша дочь?

Тишина. Потом растерянное:

— Да, конечно знаю. Рада наверняка спит, в это время она обычно уже давно ложится.

— Дайте, пожалуйста, трубку своей дочери на минутку.

Я видела, как Ратмир слегка усмехнулся, услышав суету с той стороны. Звуки шагов, скрип половиц, потом щелчок выключателя. Воображение рисовало картину того, как отец заходит в мою комнату и обнаруживает пустую кровать.

— Оксана! — громкий голос отца заставил меня поёжиться. — Где Рада? Позови её! Поищи её!

Ратмир выждал ещё несколько секунд, наслаждаясь растущей паникой с той стороны, а потом вмешался.

— Вы будете её долго искать, Анатолий Петрович. Ваша дочь, к моему величайшему удивлению и вашему сожалению, в данный момент находится со мной. До этого она была в клубе, куда приличные девушки обычно не ходят.

Оглушительная тишина. Потом срывающийся голос отца:

— Это невозможно! Этого не может быть!

— Каково же было моё удивление, — продолжал Ратмир тем же спокойным тоном, — встретить свою будущую жену в подобном заведении. Вы уверяли меня, что она скромная, послушная, воспитанная. Но сегодня я убедился в обратном. Как вы это можете объяснить?

— Оксана! — заорал отец. — Где твоя дочь?! Найди её немедленно!

В трубке слышались крики, плач мамы, топот по дому. А я сидела рядом с этим человеком и чувствовала себя самой жалкой на свете.

— Значит, так, Анатолий Петрович, — голос Ратмира стал жёстче. — Рада с этого момента и до свадьбы будет жить со мной. А свадьбу мы сыграем намного раньше, чем планировали изначально. Не хочу больше тянуть с этим фарсом. Поэтому готовьтесь к выходным.

— К выходным? — отец, казалось, не понимал слов. — Но это же через несколько дней!

— Именно. Делайте что хотите, готовьтесь как хотите, но свадьба должна состояться на выходных!

Я сидела, сжавшись в комочек, и слушала, как рушится моя жизнь. Через несколько дней я стану женой этого холодного человека. Буду жить в его доме, подчиняться его правилам, терпеть его холодные взгляды и презрение.

А пока что даже домой не попаду.

Ратмир закончил разговор и убрал телефон. Посмотрел на меня и продолжил движение.

— Поехали знакомиться с твоим новым домом, — сказал он, и в его голосе не было ни капли сочувствия.

Глава 12.

— Проходи, — сказал Ратмир, открывая дверь.

Я несмело переступила порог его квартиры. Передо мной открылось просторное помещение, от которого веяло холодом и отстранённостью. Двухуровневая планировка, высокие потолки, панорамные окна, за которыми мерцали огни ночного города.

Ратмир прошёл вперёд, не оборачиваясь, и щёлкнул выключателем. Мягкий свет разлился по комнате, выхватывая из полумрака строгие линии интерьера. Он небрежно скинул пиджак на спинку кресла, бросил ключи на журнальный столик. Каждое его движение говорило о том, что он здесь хозяин, что это его территория и тут я буду жить по его правилам.

Я стояла у входа, не решаясь сделать шаг дальше. Всё вокруг казалось чужим, неприветливым. Серые и чёрные тона, минимум мебели, никаких личных вещей, которые могли бы сделать это место живым. Даже воздух здесь был заряжен напряжением.

Меня знобило. Я обняла себя руками, пытаюсь согреться, но холод, казалось, шёл изнутри. Это место совсем не походило на дом. Скорее на офис или дорогую гостиницу. И я понимала, что здесь мне никогда не будет уютно.

Резкий звонок телефона заставил меня вздрогнуть. Ратмир лишь нахмурился и медленно достал устройство из кармана. Посмотрел на экран, и я сразу заметила, как изменилось выражение его лица. Челюсти сжались, плечи напряглись, а в глазах мелькнуло что-то неприятное.

— Отец, — коротко ответил он.

Даже с расстояния в несколько метров я слышала возмущённый голос с той стороны, хотя разобрать слова не могла. Но тон был более чем красноречивым.

— Мы так не договаривались, — донеслось из трубки. — Верни девчонку домой немедленно. Не срывай сделку своими глупостями!

Сердце ёкнуло от надежды. Может быть, его отец сможет повлиять на него, и он вынужден будет отступить? Может быть, я всё же сегодня смогу вернуться домой?

Я затаила дыхание, вслушиваясь в каждое слово. Ратмир молчал, сжав челюсти, и я видела, как в его глазах разгорается что-то опасное.

— Вопрос с девушкой не обсуждается, — наконец произнёс он ледяным тоном. — Что касается акций, то они будут твоими, не волнуйся.

— Ратмир!.. — предупреждающе прозвучало от его отца.

Он сбросил вызов, даже не дослушав. Телефон с силой полетел на диван, а Ратмир медленно повернулся ко мне. В его взгляде читалось что-то, от чего мне захотелось спрятаться.

Мы смотрели друг на друга в тишине. Он, мрачный после разговора с отцом. Я, дрожащая от холода и страха. Последние крупинки надежды, что кто-то заступится за меня, растаяли окончательно.

Его взгляд задержался на моих руках, которыми я невольно растирала предплечья, пытаюсь согреться. Я даже не заметила, когда начала это делать, но под его внимательным взглядом почувствовала себя неловко.

— Тебе холодно? — неожиданно спросил он, и в его голосе впервые за весь этот ужасный вечер прозвучали человеческие нотки.

Мне действительно было холодно, но гордость не позволила признаться в этом. Покачала головой.

— Нет.

Он пожал плечами.

— Как знаешь. Идём! Покажу, где отныне ты будешь спать.

Его слова и значение этих слов заставили меня заволноваться. Мы что, будем спать теперь вместе? Вот так сразу? До свадьбы? Паника поднялась волной. Я не готова. Совсем не готова

к такому сейчас. Сделав глубокий вдох, я решила задать вопрос максимально осторожно, чтобы понять, говорит ли он про то, о чём я думаю.

— У меня будет... отдельная спальня? — спросила я несмело.

Ратмир остановился и обернулся. Одна бровь изогнулась в насмешливой дуге.

— А ты уже так торопишься в мою постель? — в его голосе послышались издевательские нотки.

Щёки вспыхнули огнём.

— Нет! Я не это имела в виду! Я... я просто...

Он коротко хмыкнул и продолжил движение.

Поднявшись на второй этаж, он открыл одну из дверей и включил свет.

— Будешь ночевать здесь, пока не сыграем свадьбу.

Он кивнул в сторону комнаты, приглашая меня войти. Я неуверенно переступила порог.

Комната оказалась такой же безликой, как и всё остальное в этой квартире. Кровать, прикроватная тумбочка, шкаф, стул. Всё необходимое, но ни одной детали, которая могла бы сделать это место уютным.

— Спокойной ночи, — сказал он, но тем не менее не спешил уходить.

Вместо этого он остался стоять рядом, открыто разглядывая меня с ног до головы. Его взгляд медленно скользил по моей фигуре, словно он оценивал товар. От такого пристального внимания мне стало неловко, и я инстинктивно обняла себя руками.

— Сколько ты вообще вешишь? — небрежно спросил он.

Вопрос застал меня врасплох. Я не ожидала ничего подобного.

— Пятьдесят, — коротко ответила я.

Ратмир недовольно поджал губы, а потом направился к выходу.

Я осталась одна в этой комнате, которая теперь должна была стать моим временным пристанищем. Села на край кровати и почувствовала, как тишина давит на меня со всех сторон.

Постепенно усталость взяла своё, и я осторожно легла поверх покрывала, не раздеваясь. А вдруг он передумает? Вдруг решит, что не стоит ждать свадьбы?

Но время шло, а Ратмир так и не появился. Постепенно глаза закрывались сами собой, и я провалилась в беспокойный сон.

Проснувшись я от странного ощущения. Словно кто-то наблюдал за мной. Веки были тяжёлыми, но что-то заставило меня открыть глаза.

В кресле у окна сидел Ратмир...

Я вздрогнула, до конца не проснувшись, и уставилась на него широко распахнутыми глазами. Он сидел без футболки, в обычных домашних брюках, и я невольно отвела взгляд, почувствовав неловкость. Это было слишком интимно, слишком личное для нашего знакомства.

— Что вы... что вы тут делаете? — прошептала я.

Он молчал, словно проверяя на прочность мои нервы. За это время моё сердце подскочило к горлу от напряжения. Потом медленно поднялся из кресла и начал приближаться к кровати.

Когда он подошёл слишком близко, я инстинктивно схватилась за край одеяла. Попыталась прикрыться этим детским жестом, хотя прекрасно понимала, что тонкая ткань меня не спасёт.

— Я тут подумал, — его голос прозвучал низко и опасно.

Он навис надо мной, опершись рукой о кровать. Слишком низко и неприлично близко. В полумраке его глаза казались чёрными провалами, а от его присутствия воздух стал густым и тяжёлым.

— Ты сегодня сорвала мне планы на вечер, — медленно произнёс он, не отводя взгляда. — Из-за твоих глупостей мне пришлось покинуть клуб намного раньше, чем я планировал. И теперь я думаю... раз ты стала причиной этой проблемы, то и решать её будешь ты.

Его лицо приблизилось ещё на несколько сантиметров, и я почувствовала его дыхание на своей коже.

— Ты всё равно станешь моей женой через неделю, — прохрипел он, не отводя взгляда.
— Я предлагаю провести первую брачную ночь сегодня.

Глава 13.

— Я предлагаю провести первую брачную ночь сегодня, — повторяю медленно, давая словам повиснуть в воздухе.

Реакция мгновенная. Девчонка резко отталкивается от изголовья и отползает к противоположному краю кровати, будто я прокажённый. Одежда сжимает в руках с такой силой, что костяшки пальцев белеют, а по лицу расползается паника. Дыхание сбивается на мелкие, прерывистые вдохи, глаза распахнуты так широко, что видны белки.

— Нет! — голос дрожит. — Я не согласна! Свадьба не состоялась, вы не можете меня заставить!

Уголок губ дёргается в усмешке. Наивная девчонка всё ещё думает, что у неё есть выбор.

— Ещё как могу, — медленно произношу, не отводя взгляда. — Ты и так будешь моей женой. Это решённое дело. Не вижу проблемы в том, чтобы эта ночь состоялась сейчас.

Напряжение, копившееся весь день, пульсирует в висках. Отец со своими претензиями, эта маленькая лгунья со своими выходками. Она сорвала мои планы на вечер, принесла новые проблемы. И теперь трясётся передо мной, будто я чудовище какое-то.

Я пытался заснуть у себя в комнате, держать всё, что требовало разрядки, строго под контролем, но не получилось. Напряжение только росло, не давая покоя. Поэтому решил, что для снятия напряжения сойдёт и она. Не идеальный вариант, конечно, но почему бы нет? Она испортила мне вечер, пусть теперь разруливает последствия.

Подаюсь вперёд, следуя за ней к противоположному краю кровати. Упираюсь рукой в матрас рядом с её бедром, нависая сверху и окончательно загоняя в угол. Отступить ей уже некуда. Девчонка судорожно сглатывает, всем телом вжимаясь в изголовье.

— Не подходите ближе, — выдавливая она.

Замираю в этой позе, продолжая нависать над ней. Смотрю внимательнее. Вся съёжилась, дрожит мелкой дрожью, губы побледнели. Внутренний голос трезво отмечает, что сегодня вряд ли что-то получится. Девчонка слишком зашуганная, деревянная. Такая сейчас не особо поможет.

Но упрямство берёт верх. Какого чёрта она смеет шарахаться от меня, как от прокажённого? Я её будущий муж, нравится ей это или нет.

— Привыкай быстрее, — говорю жёстче, чем намеревался. — После свадьбы я не намерен соблюдать целибат.

Её глаза ещё больше расширяются, и она пытается отползти дальше, хотя отступить уже некуда. Этот жест окончательно выводит из себя.

Наклоняюсь, упираясь руками в матрас по обе стороны от неё. Нависаю сверху, сокращая дистанцию. Загоняю в угол, даю понять, кто здесь главный. Пусть привыкает чувствовать мужчину рядом. Пусть понимает, что её робость меня не остановит.

Девчонка инстинктивно поднимает руки и упирается ладонями мне в грудь. Тонкие пальцы дрожат, но она не убирает их, пытается создать хоть какую-то дистанцию между нами. Смотрит прямо на меня своими большими глазами и не плачет, не умоляет. Просто смотрит, как загнанный зверёк, который ещё не сдался окончательно.

— Пожалуйста, — произносит она. — Не надо так.

Интересная реакция. Дрожит, бледная как полотно, но не истерит. Не заливается слезами, не кричит. Просто тихо просит остановиться, будто я способен на милосердие.

Это почему-то дразнит сильнее.

Наклоняюсь ещё ближе, почти касаясь её лица. Чувствую, как участилось её дыхание, как напряглось тело под моими руками.

— Перестань дрожать. Я не сделаю тебе больно, — шепчу, разглядывая её лицо в полумраке.

Любопытство неожиданно вспыхивает. Как она пахнет? В прошлый раз, когда наши губы случайно соприкоснулись, помню, был какой-то чистый аромат. Без навязчивой парфюмерии. Что-то свежее.

Медленно веду носом по линии её шеи. Кожа тёплая, мягкая. Рада замирает, даже дышать перестаёт. Поднимаюсь выше, к уху. Она вздрагивает от прикосновения. Провожу по щеке, потом к виску. Добираюсь до лба.

И тут что-то щёлкает в голове.

Замираю. Слишком горячо. Неестественно горячо.

Несколько секунд пытаюсь осознать, что именно не так. А потом прижимаюсь губами к её лбу и понимаю окончательно.

Она горит. У неё температура. Высокая, судя по жару, исходящему от кожи.

— Твою мать, — вырывается сквозь зубы.

Резко отстраняюсь, отталкиваюсь от кровати. Девчонка часто дышит, смотрит на меня непонимающе. В полумраке комнаты плохо видно её лицо, но что-то было не так. Почему я не обратил внимания раньше?

Начинаю ходить из угла в угол, нервно проводя рукой по волосам. Потом ещё раз. Злость, раздражение, а теперь ещё и это чувство вины, которое не должно было появиться.

Останавливаюсь, смотрю на неё. Она всё ещё сидит на кровати, прижавшись к изголовью, обхватив себя руками. Дрожит. От холода, от страха или от температуры, уже непонятно.

— Чёрт, — выдыхаю и резко разворачиваюсь к выходу.

Выхожу из комнаты, закрываю дверь. Быстрым шагом иду к себе, хватаю телефон с прикроватной тумбочки и набираю номер скорой.

— Скорая помощь, слушаю вас.

— Молодая девушка, восемнадцать лет, — говорю быстро, стараясь держать голос ровным. — Высокая температура. Приезжайте немедленно.

Диктую адрес, отвечаю на вопросы диспетчера. Бросаю трубку и снова провожу рукой по волосам.

Какого чёрта творится сегодня вообще?

Глава 14.

Скорая приехала быстрее, чем я ожидал. Прошло всего минут пятнадцать, когда в дверь позвонили. Я впустил двух врачей, женщину средних лет с усталым лицом и молодого парня с чемоданчиком.

— Где пациентка? — деловито спросила врач.

Молча кивнув в сторону лестницы, я повёл их наверх. Пока мы поднимались, женщина задавала вопросы о симптомах, о том, как давно всё началось, были ли травмы. Я отвечал коротко, по делу.

Когда я открыл дверь в комнату, Рада всё так же сидела на кровати, прижавшись к изголовью и обхватив себя руками. Она была бледная, с лихорадочным блеском в глазах. При виде врачей напряглась ещё сильнее.

— Добрый вечер, девушка, — мягко произнесла врач, приближаясь к кровати. — Как вас зовут?

— Рада, — еле слышно ответила та.

— Очень приятно, Рада. Я Марина Сергеевна, а это мой коллега Дмитрий. Мы сейчас вас осмотрим, хорошо?

Девчонка кивнула, но я заметил, как она вся съёжилась. Марина Сергеевна достала термометр и измерила температуру, а молодой врач тем временем проверял давление и пульс.

— Тридцать восемь и семь, — озвучила результат Марина Сергеевна, взглянув на термометр. — Давление немного понижено, пульс учащён. Скажите, Рада, у вас что-то болит? Голова, горло?

— Немного голова, — прошептала она. — И озноб.

Врач внимательно осмотрела горло, прослушала лёгкие, прощупала лимфоузлы. Продолжая задавать вопросы о самочувствии, она пыталась выяснить, когда началось недомогание и есть ли хронические заболевания. Рада отвечала тихо, односложно, то и дело бросая на меня быстрые испуганные взгляды.

— Молодой человек, — внезапно обратилась ко мне Марина Сергеевна, — выйдите, пожалуйста, ненадолго. Мне нужно задать пациентке несколько личных вопросов.

Я нахмурился, но послушался и вышел в коридор. Прислонившись к стене напротив двери, я стал ждать. Из комнаты доносились приглушённые голоса, но разобрать слова я не мог.

Минут через пять дверь открылась, и врачи вышли. Марина Сергеевна смотрела на меня с каким-то оценивающим выражением, которое мне категорически не понравилось.

— Идёмте вниз, поговорим, — сказала она строго.

Мы спустились в гостиную. Врач устроилась на диване, положив чемоданчик рядом, а я остался стоять, скрестив руки на груди.

— У девушки высокая температура на фоне острого стресса, — начала она, не отрывая от меня внимательного взгляда. — Судя по всему, организм просто не выдержал эмоциональной перегрузки. К тому же переохлаждение только усугубило ситуацию.

— И что дальше? — спросил я.

— Дальше ей нужен полный покой, тепло и забота, — продолжила Марина Сергеевна. — Никаких стрессов, никакого давления. Я выпишу жаропонижающее и противовоспалительное. Обильное тёплое питьё обязательно. Если температура не спадёт к утру или поднимется выше тридцати девяти, вызывайте нас снова.

Я кивнул, однако врач продолжала смотреть на меня с тем же оценивающим взглядом.

— Молодой человек, девушка находится в крайне уязвимом состоянии, — добавила она весомо. — Я не знаю, что между вами произошло, и это не моё дело. Но если её состояние

ухудшится из-за дополнительного стресса, придётся госпитализировать. Поэтому рекомендую более серьёзно подойти к ситуации.

Челюсти сжались сами собой. Меня сейчас отчитывают, как мальчишку. Но спорить я не стал, просто кивнул.

Марина Сергеевна достала бланк, быстро написала назначения и протянула мне.

— В любой круглосуточной аптеке найдёте. Давать строго по инструкции. И ещё раз повторяю — покой и забота. Это сейчас главное лечение.

Вскоре они ушли, оставив меня одного с этим чёртовым списком лекарств и грузом непонятной вины. Я стоял посреди гостиной, глядя на закрывшуюся за врачами дверь и пытаюсь разобраться в том бардаке, что творился в голове.

Проведя рукой по лицу, я попытался отогнать усталость. За окнами уже начинало светать, а я так и не закрыл глаза. Взгляд упал на часы, половина пятого.

Чёрт. От этой девчонки одни только проблемы.

Быстро одевшись, я взял ключи от машины и вышел из квартиры. По дороге до ближайшей круглосуточной аптеки я пытался не думать о том, что делаю и зачем. Просто выполнял чёткий план. Купить лекарства, вернуться, дать ей то, что прописали врачи.

В аптеке сонная девушка за прилавком приняла рецепт и через несколько минут выдала пакет с лекарствами. Расплатившись, я поехал обратно.

Дома первым делом поставил чайник. Заварил некрепкий чай, добавил мёда. Взяв нужные таблетки и стакан воды, я поднялся наверх.

Рада лежала на кровати, свернувшись калачиком поверх одеяла. Всё ещё в той же одежде, в которой была в клубе, видимо, боялась раздеться. Лицо покрасневшее, волосы растрепались и прилипли к вискам. Дышала она часто и неровно.

Я поставил чашку и таблетки на прикроватную тумбочку и присел на край кровати. Она даже не пошевелилась, то ли спала, то ли просто не хотела открывать глаза.

— Рада, — позвал я тихо.

Никакой реакции.

Протянув руку, я осторожно коснулся её плеча. Она вздрогнула и резко открыла глаза, испуганно уставившись на меня.

— Тебе нужно выпить лекарство, — сказал я, стараясь говорить спокойнее. — И чай. Врач сказал — много тёплого питья.

Она молча смотрела на меня, будто не до конца понимая слова. Затем медленно попыталась приподняться, но руки дрожали, и она не смогла удержать равновесие.

Инстинктивно я подхватил её за плечи, помогая сесть. Она была такая горячая, что даже через одежду чувствовался жар. Прислонив её к изголовью, я взял со стола таблетки и стакан с водой.

— На, выпей, — протянул ей.

Рада взяла таблетки дрожащими пальцами и запила водой. Пила жадно, будто неделю в пустыне провела. Я забрал у неё пустой стакан и дал чашку с чаем.

— Осторожно, горячий.

Она кивнула и обхватила чашку обеими руками, жадно вдыхая пар. На этот раз пила медленно, маленькими глотками, и я видел, как постепенно в её глазах возвращается осознанность.

— Спасибо, — прошептала она, не поднимая взгляда.

Я промолчал. Забрав у неё чашку, когда она допила, я поставил её на тумбочку. Уже собирался встать и уйти, но она вдруг тихо произнесла моё имя.

— Ратмир.

Я обернулся. Она смотрела на меня своими большими глазами, в которых читалась такая беззащитность, что внутри что-то неприятно ёкнуло.

— Я правда не хотела вас разозлить, — прошептала она. — Просто... просто хотелось хоть немного побыть собой. Последний раз перед тем, как всё изменится навсегда.

Слова были простые, но в них столько боли и безысходности, что мне пришлось отвернуться. Я не хотел видеть её такой. Не хотел чувствовать эту чёртову вину, которая всё сильнее грызла изнутри.

Взгляд упал на одеяло, в котором она всё ещё не была укрыта. Резким движением я откинул край одеяла.

— Ложись нормально и укройся, — бросил я коротко. — И спи.

Не дожидаясь ответа, я вышел из комнаты, плотно закрыв за собой дверь.

Глава 15.

Спустился вниз и рухнул на диван. Откинул голову на спинку, закрыл глаза. Но сон не шёл. Мысли крутились, как проклятые, не давая покоя.

Что я творю вообще?

Зачем притащил её сюда?

Зачем пытался перейти границы?

Образ матери всплыл в памяти против воли. Как она лежала на больничной койке, такая же бледная и беззащитная. Как жадно пила воду, когда я приносил ей стакан. Как шептала мне, что всё будет хорошо, хотя мы оба знали, что это ложь.

Я был ребёнком тогда, не мог ничем помочь. Только сидел рядом, держал её за руку и смотрел, как она угасает день за днём.

Резко открыл глаза, отгоняя воспоминания. Какого чёрта я вообще об этом думаю сейчас? Рада не моя мать. Она просто девчонка, которую продали мне за акции. Ничего личного, только бизнес.

Но почему тогда эта чёртова вина не отпускает? Я же давно избавился от всех этих ненужных чувств...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.